

ЧЕРТЫ И АНЕКДОТЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.

1877.

Сергей Николаевич Шубинский

Черты и анекдоты из жизни императора Александра Первого

Сергей Николаевич Шубинский (1834–1913) — русский историк, журналист, популяризатор истории, основатель и многолетний редактор журналов «Древняя и Новая Россия», «Исторический вестник».

В книге «Черты и анекдоты из жизни императора Александра Первого» собраны анекдоты и разнообразные случаи из жизни императора Александра Первого.

Издание 1877 года, приведено к современной орфографии.

Содержание

Сергей Николаевич Шубинский Черты и анекдоты из жизни императора Александра Первого	0005
Источники	0158
Приложения.	0163
I. Манифест о вступлении на престол императора Александра I.	0163
II. Манифест о коронации императора Александра I.	0164
III. Речь московского митрополита Платона при коронации императора Александра I.	0167
IV. Речь императора Александра в первом заседании Государственного Совета 1-го января 1810 года.	0175
V. Приказ по армии 13 июня 1812 года.	0179
VI. Рескрипт фельдмаршалу графу Салтыкову 13 июня 1812 года.	0180
VII. Рескрипт первопрестольной столице Москве 6 июля 1812 года.	0181
VIII. Манифест о всеобщем ополчении.	0183
IX. Манифест об изгнании неприятелей из России.	0185
X. Прощение поданное императору Александру I государственным советом, сенатом и синодом	

в 1814 году.....	0191
XI. Указ государственному совету, сенату и синоду, 1814 года.....	0195
XII. Речь императора Александра I при открытии сейма царства Польского.....	0197

**Сергей Николаевич
Шубинский**
**Черты и анекдоты из жизни
императора Александра
Первого**

*Памяти императора Александра Пер-
вого. 1777–1877*

Император Александр Первый. 1777–1877.

12 декабря 1877 года исполнилось столетие со времени рождения императора Александра I. Издавая в память этого события настоящую книгу, мы, при составлении ее, имели в виду только одну цель: собрать из разных источников преимущественно те рассказы и черты из жизни Александра, которые рисуют его как человека и представляют материал для оценки его прекрасных душевных качеств, справедливо доставивших ему любовь современников. Кроме того, мы сочли не лишним присоединить к нашей книге наиболее замечательные речи, указы и манифесты

императора Александра, а также превосходную речь, сказанную при его коронации московским митрополитом Платоном.

Природа соединила в императоре Алексан-

дре ум обширный, пытливый и проницательный, сердце доброе, исполненное высоких побуждений, характер крайне восприимчивый. Он вырос посреди двух дворов, — бабки и отца, неприязненных между собою и совершенно противоположных по направлению: принужденный уживаться при обоих, он невольно приучился к скрытности и сделался недоверчив к людям. Умеренный в желаниях, скромный и даже робкий, Александр привлекал к себе всех простотою своего обращения, доступностью, отсутствием желания господствовать. Он с юности обнаруживал стремление к добру и всегда был готов спешить на помощь ближнему. Во всех своих действиях Александр прежде всего был человек, в высоком, многообъемлющем смысле этого слова, а потом уже государь. — «Император Александр, — писал о нем один из тогдашних иностранных дипломатов, — честнейший человек, какого я когда либо знал: он может быть часто поступает дурно, но в душе его постоянное стремление к добру».

Царствование императора Александра обильно великими событиями. Россия не мо-

жет забыть важных заслуг, оказанных им отечеству.

Вспомним, что при нем присоединены к русскому государству: вся Финляндия с Аландскими островами, Бессарабия, герцогство Варшавское, Грузия, Мингрелия, Абхазия, Гурия и Имеретия. В делах внутренних деятельность Александра была не менее плодотворна: он учредил министерства, преобразовал государственный совет и все части государственного управления; при нем развились наши финансы, торговая промышленность и земледелие, во всей империи распространено образование, возникли новые университеты: Петербургский. Казанский и Харьковский, Царскосельский лицей, институт Путей Сообщения, училища: Инженерное, Артиллерийское, Кораблестроительное и многие другие.

Двадцатипятилетнее царствование Александра I, озаренное славой незабвенного 1812 года, является светлой страницей в нашей истории и чем более мы станем знакомиться с необыкновенно симпатичной личностью государя, которому Россия единодушно придала название «Благословенного» тем сильнее бу-

дем любить его и питать к нему благодарную память.

* * *

О первоначальном воспитании императора Александра I сохранилась весьма любопытная записка императрицы Екатерины II, писанная ею в 1778 году, на французском языке, для шведского короля Густава III. Записка эта, найденная в бумагах короля известным шведским историком Гейером, обнародована им в числе прочих документов, изданных им в 1843 году, под заглавием: «Konning Gustaf III efterlemnade papper».

В то время сношения между императрицей и королем были самые дружеские. Летом 1777 года, т. е. за несколько месяцев до рождения Александра Павловича, Густав III посетил Петербург; 12-го декабря того же года родился великий князь, а без малого через год у Густава родился сын. Вероятно, король, в ожидании этого последнего события, обратился к императрице за советами относительно первоначального воспитания шведского кронпринца, что и побудило Екатерину отвечать следующей, сообщаемой здесь в переводе, за-

пиской о рождении и воспитании великого князя Александра Павловича:

«Александр родился 12 декабря 1777 года. Тотчас же после его рождения, я взяла ребенка на руки и когда его обмыли, понесла его в другую комнату, в которой положила на подушку, покрывая слегка и не дозволяя при том пеленать его иначе как показано на приложенной при сем кукле[1]. Затем, его положили в корзину, в которой находится кукла; это сделано с тою целью, чтобы бабы не вздумали качать ребенка. Александра передали на попечение генеральши Бенкендорф и поместили в назначенных ему покоях. Его кормилица — жена работника-садовника. Особенно заботились о свежем и чистом воздухе. Кровать Александра (он не знает ни люльки, ни качанья) железная, без занавес; лежит он на кожаном матрасе, на котором стелется одеяло; у него не более одной подушки и очень легкое английское покрывало. В его комнате всегда говорят громко, даже и тогда, когда он спит. Никакой шум над его комнатами, или возле них не запрещен. Даже на бастионах адмиралтейства, напротив его окон, стреляют

из пушек и вследствие всего этого он не боится никакого шума. Особенное внимание обращается на то, чтобы температура в его покоях не превышала 14 до 15 градусов. Каждое утро, зимою и летом, пока убирается его комната, ребенка выносят в другую комнату; а между тем окна его спальни отворяются для возобновления воздуха. Зимою тотчас же после согревания комнаты его вносят обратно в спальню. Со времени его рождения, его ежедневно купали. Сначала вода была едва теплою, теперь же его моют комнатною водою. Он до того любит купаться, что, как скоро увидит воду, тотчас же кричит, желая погрузиться в нее. Его не приучили к тому, чтобы успокаивать не иначе как грудью; за то он привык к известному порядку: спать в назначенные часы, принимать грудь в известное время и т.п. Как скоро только дозволила, весенняя погода, Александра без чепчика выносили на свежий воздух; мало-помалу он привык оставаться на воздухе и сидеть или на траве, или на песке, а также в хорошую погоду спать на воздухе, в тени. Его положат на подушку и он спит превосходно. Чулок он не

знает и не терпел бы их; ему не надевают ничего, что могло бы быть лишнею тяжестью. Когда ему минуло четыре месяца, его перестали постоянно носить на руках и дали ему ковер. Его клали на брюшко и он с особенной радостью испытывал свои силы. Его одежда состоит в коротенькой рубашонке и в вязаном широком корсетике. На воздухе к этому прибавляется шерстяная или шелковая юбочка. Он ничего не знает о простудах, большой, полный, свежий и веселый, любит прыгать, и почти никогда не кричит. Недавно у него прорезался первый зубок; теперь ему без малого девять месяцев»(1).

* * *

Учебными занятиями великого князя Александра Павловича руководил знаменитый швейцарец Лагарп, человек чрезвычайно умный, образованный, честный и с республиканскими убеждениями. Он имел благотворное влияние на своего ученика и ему принадлежит честь развития в Александре любви и уважения к человечеству. Великий князь питал к Лагарпу трогательную привязанность и еще в детстве предпочитал поучительные бе-

седы с своим наставником забавам, и играм, свойственным его тогдашнему возрасту.

Однажды, Александр, бросившись на шею Лагарпу, был осыпан пудрою с его парика. Заметив это, Лагарп сказал — «Посмотрите, любезный князь на что вы похожи». — «Ну все равно, — отвечал Александр, — никто не осудит меня за то, что займу от вас».

Отправясь как то раз, по обыкновению, пешком к своему воспитателю, великий князь нашел у него в передней только что поступившего в должность швейцара, который, не зная никого из обычных посетителей Лагарпова дома, спросил его «кто он?» и получив ответ «Александр» просил его подождать, потому что Лагарп был занят. Великий князь, войдя в приемную, остался там и ожидал более получаса; когда же Лагарп, выйдя из своего кабинета и встретив неожиданно гостя, стал извиняться в недогадливости новичка-служителя, Александр отвечал: — «Один час ваших занятий стоит целого дня моего» — и щедро наградил швейцара «за усердное исполнение своих обязанностей».

В 1794 году, когда Лагарп, по интригам сво-

их недоброжелателей должен был, не окончив учения великого князя, уехать из России, Александр написал ему следующее теплое письмо, в котором выразилась вся сила его любви и признательности к своему наставнику:

«Прощайте любезный друг! Чего мне стоит сказать это слово. Помните, что вы оставляете здесь человека, который вам предан, — который не в состоянии выразить вам свою признательность, который обязан вам всем, кроме рождения. Будьте счастливы, любезный друг, это желание человека любящего вас, уважающего и почитающего выше всего. Я едва вижу, что пишу. Прощайте в последний раз, лучший мой друг, не забывайте меня. Жена поручает повторить вам, что она во век не забудет всех ваших о ней попечений. Еще раз мой дорогой, мой друг, мой благодетель».

В 1801 году, получив от Лагарпа поздравление с восшествием на престол, Александр отвечал ему:

«Первою минутою истинного для меня удовольствия, с тех пор, как я стал во главе

несчастной моей страны, была та, когда я получил письмо ваше, любезный и истинный друг. Не могу выразить вам всего, что я чувствовал, особенно видя, что вы сохраняете ко мне те же чувства, столь дорогие моему сердцу и которых ни отсутствие, ни перерыв сношений, не могли изменить. Верьте, любезный друг, что ничто в мире не могло поколебать моей неизменной привязанности к вам и всей моей признательности за ваши заботы обо мне, за познания, которыми иг вам обязан, за те принципы, которые вы мне внушили и в истине которых я имел столь часто случай убедиться. Не в моей власти оценить все, что вы для меня сделали и никогда я не буду в состоянии заплатить за этот священный долг.

«Буду стараться сделаться достойным имени вашего воспитанника и всю жизнь буду этим гордиться — я не переставал думать о вас и о проведенных с вами минутах. Мне было бы отрадно надеяться, что они могут прийти вновь и я был бы весьма счастлив, если б это исполнилось. В этом отношении я совершенно полагаюсь на вас и на домашние ваши

обстоятельства, потому что нет никаких других, которые могли бы этому препятствовать. Об одной милости прошу вас, — писать ко мне от времени до времени и давать мне ваши советы, которые будут мне столь полезны на таком poste как мой, и который я решился принять только в надежде быть полезным моей стране и предотвратить от нее в будущем новые бедствия. Почему вы не можете быть здесь, чтоб руководить меня вашей опытностью и оградить от ловушек, в которые я могу впасть по милости и, может быть, по неведению черноты испорченных душ. Часто судишь сам по себе и, желая добра, ласкаешь себя тем, что другие имеют те же намерения, до тех пор пока опыт не убедит в противном; тогда выходишь из заблуждения, но может уже поздно и зло сделано.

«Вот, любезный друг, почему просвещенный и опытный в знании людей друг, есть величайшее сокровище. Занятия мои не позволяют мне писать вам более. Скажу вам только, что более всего мне доставляет забот и труда согласовать частные интересы и ненависти и заставить других содействовать един-

ственной цели, — общей пользе. Прощайте любезный друг, дружба ваша будет служить мне утешением в горести. Кланяйтесь от меня вашей жене и примите поклоны мои. Если я могу вам быть полезен, располагайте мною и скажите, что я могу сделать».

Император Александр вел постоянную переписку с Лагарпом, а в 1814 году, по вступлении своем в Париж, пожаловал ему (в чине полковника) орден св. Андрея Первозванного и лично посетил его скромную квартиру, в четвертом этаже, в одной из отдаленных парижских улиц.

— Вы очень переменялись, — сказал государь, обращаясь к госпоже Лагарп.

— Ваше величество, я как и все терпела горе, — отвечала она.

— Вы меня не поняли, — возразил Александр, — бывало, вы сидели подле воспитанника вашего супруга и дружески с ним разговаривали, а теперь стоите перед ним.

Г-жа Лагарп начала говорить об энтузиазме, который внушали парижанам доступность и душевные качества императора.

— Если во мне есть чтонибудь могущее

правиться, — отвечал он, — то кому я этим обязан? Если б не было Лагарпа, не было бы и Александра (2).

* * *

В ризнице собора села Грузина, принадлежавшего графу Аракчееву, находится ящик в четыре вершка длины и ширины с стеклянным верхом, в котором хранилась рубашка, пожалованная Аракчееву императором Александром в бытность его великим князем. Историю этой рубашки Аракчеев рассказывал лицам, посещавшим Грузино следующим образом:

«Когда покойная императрица (Екатерина II) была в предсмертных страданиях и не оставалось надежды на выздоровление, то император Павел I, зная, что его ожидает вступление на престол, послал за мною в Гатчину с приказанием скорее приехать в Петербург. Дороги были тогда дурные, я скакал что было силы и весь в грязи явился к императору. Он принял меня самым ласковым манером, сказал: «служи мне верно» и, взяв меня за руку, подвел к великому князю Александру Павловичу, — положил мою руку в его руки и

сказал: «будьте друзьями». И мы всегда были друзьями. Великий князь, видя меня всего в грязи, сказал: «верно ты за скоростью белья чистого не взял с собою? пойдём ко мне, я тебе дам», и тогда дал мне эту рубашку. После я ее у него выпросил и вот она; а когда умру, то ее на меня наденут и в ней я буду похоронен».

Действительно, Аракчеев, согласно сделанному им при жизни распоряжению, похоронен в этой рубашке (3).

* * *

Воцарение императора Александра было встречено всеобщим восторгом. Петербургский генерал-губернатор, — граф Пален, докладывая об этом государю, сообщил ему, между прочим, что народ с такою жадностью и радостью расхватал манифест о вступлении на престол, что теперь экземпляры его продаются уже по рублю. «Государь, — прибавил Пален, — вы счастливы: вы любимы народом!» — «Я тогда буду счастлив, — отвечал Александр, — когда и через пятнадцать лет увижу тоже самбе» (4).

* * *

При восшествии императора Александра

на престол, все лица, заключенные в предшествовавшее царствование в Петропавловскую крепость, были освобождены. Один из арестантов, оставляя каземат, написал над дверями: «Свободен от постоя». Об этом донесли государю. Он улыбнулся и заметив, что следовало бы прибавить к надписи слово «навсегда» (5).

* * *

Народная любовь к императору Александру выразилась особенно в 1812 году, когда после отступления нашей армии из лагеря под Дриссой, государь явился в Москву грустный, подавленный тягостью совершившихся событий. Не смотря на то, что император приехал ночью, вся дорога от первой станции Перхушково была полна народом, так что от взятых многих фонарей было светло, как днем. Александр был приветствован с неописанным восторгом. Народ целовал его руки, одежду, лошадей. Один из толпы, пробившись к государю, сказал: — «Не унывай! Видишь сколько нас в одной Москве, а сколько же во всей России! Все умрем за тебя!» Он передал словами то, что было на сердце у каж-

дого.

На другой день (12-го июля) едва лишь стала заниматься заря, народ повалил на Красную площадь. Солнце ярко сияло в этот торжественный день. В девять часов Александр вышел из дворца и в то же мгновение раздался звон колоколов и восторженное, потрясающее ура! огласило всю Москву. Если бы Наполеон мог быть свидетелем этой встречи царя москвичами, то убедился бы в несбыточности своей мечты — покорить Россию. Александр, выйдя на Красное крыльцо, остановился видимо растроганный зрелищем, напомиравшим времена Минина и Пожарского. Прошло несколько минут. Началось шествие к Успенскому собору, замедляемое народом, теснившимся к государю и кричавшим: — «Отец наш! Ангел наш! Да сохранит тебя Господь Бог!» При входе в собор, преосвященный викарий московский Августин, приветствуя монарха кратким словом, в заключение сказал — «С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!»

15-го июля назначено было собраться дворянству и купечеству в обширных залах Сло-

бодского дворца. Еще до прибытия государя главнокомандующий в Москве граф Ростопчин приказал прочитать в обоих собраниях высочайший манифест о народном ополчении и пламенной речью приглашал всех и каждого принять участие в защите отечества. Дворянство положило выставить 80 000 ратников, купечество назначило общий денежный сбор и открыло частную подписку. Войдя в залу дворянского собрания, государь, встреченный восторженно, объяснил в коротких словах положение государства, «которое войска, при всех усилиях храбрости и самоотвержения, не могли отстоять от многочисленной армии Наполеона, составленной из поработанных им народов» и, напомнив, что уже не раз государство было обязано своим спасением дворянскому сословию, сказал: — «Настало время для России показать свету ее могущество! Я твердо решился истощить все средства моей обширной империи, прежде нежели покоримся высокомерному неприятелю. В полной уверенности взываю к вам; вы, подобно вашим предкам, не позволите восторжествовать врагам; этого ожидают от вас отече-

ство и государь!» В ответ государю раздались восклицания: — «Готовы умереть за тебя, Государь! Не покоримся врагу. Все, что имеем, отдаем тебе!» Трудно было расслышать слова, внушаемые преданностью, но в смысле их не могло быть сомнения: его выражали слезы присутствовавших. Государь, сам чрезвычайно растроганный, узнав от московского губернского предводителя дворянства В. Д. Арсеньева о готовности дворян выставить по десяти ратников со ста душ, сказал — «Иного я не ожидал от вас. Вы оправдали мое о вас мнение». Потом, перейдя в залу, где было собрано купечество, государь объявил депутатам, что для отражения неприятеля требуются значительные денежные средства, что вскоре будут возобновлены дружественные сношения с Англией, готовой открыть свои гавани русской торговле, но что всем надеждам на благосостояние страны угрожает нашествие Наполеона. И здесь государь изъяснил свою уверенность в содействии своих верных подданных, и здесь встретил такую же готовность жертвовать ему и России имуществом и собою. По отбытии императора, в

продолжении двух часов, купечество подписалось на полтора миллиона. За обедом в Кремлевском дворце, куда были приглашены почетнейшие из московских жителей, император несколько раз повторил, что он этого дня никогда не забудет.

Возбудив Москву, а с нею вместе и всю Россию, к дружному восстанию против Наполеона, Александр писал в Петербург, к графу Н. И. Салтыкову:

— «Приезд мой в Москву имел настоящую пользу. В Смоленске дворянство предложило мне на вооружение 20 000 человек, кроме поступающих охотою из мещан и разночинцев. Денег дворяне жертвуют до трех миллионов; купечество же слишком до десяти. Одним словом, нельзя не быть тронуту до слез, видя дух оживляющий всех и усердие и готовность каждого содействовать общей пользе» (6).

* * *

Император Александр с самой юности обнаруживал стремление к добру и спешил на помощь ближнему, не соображая ни средств своих, ни обстоятельств. Случилось ему услышать, что какой-то старик, иностранец, неко-

гда служивший при академии, находится в крайней бедности, — он поспешно вынул 25 рублей и поторопился отослать их к бедному, хотя у него не оставалось более денег. В другой раз, узнал он, что один из штукатуров, работавших у дворца, упал с лесов и сильно расшибся: отправить его в больницу, послать к нему и своего лейб-медика, приказать хирургу пользоваться его, дать на все это деньги, подарить больному некоторую сумму, постель, свою простыню, — было для него делом одной минуты. Мало этого, — он справлялся и заботился о больном каждый день, пока тот не выздоровел, скрывая от всех свой поступок «который — как он сам выразился — считал долгом человечества, к чему всякий непременно обязан».

В 1807 году, во время пребывания своего в Вильне, император Александр поехал, однажды, гулять верхом за город и, опередив свою свиту, заметил на берегу реки Вилейки несколько человек крестьян, которые что-то тащили из воды. Приблизившись к толпе, государь увидел утопленника. Крестьяне, приняв царя за простого офицера, обратились к

нему за советом, что делать в этом случае. Александр тотчас соскочил с лошади, помог им раздеть несчастного и начал сам тереть ему виски, руки и подошвы. Вскоре подоспела свита государя, среди которой находился и лейб-медик Виллье. Последний хотел пустить утопшему кровь, но она не пошла. Александр продолжал тереть его, однако он не подавал ни малейшего признака жизни. После усилий, продолжавшихся более двух часов, Виллье, к величайшему огорчению государя, объявил, что все дальнейшие старания возвратить утопленника к жизни будут напрасны. Александр, несмотря на усталость, просил Виллье попробовать еще раз пустить кровь. Лейб-медик исполнил его настоятельное желание и, к удивлению, кровь пошла и несчастный тяжело вздохнул. Император прослезился от радости и умиления и, взглянув на небо, сказал:

— Боже мой! Эта минута есть счастливейшая в моей жизни!

Возвращенному к жизни продолжали подавать деятельные пособия. Виллье старался удержать кровь, которой вытекло уже до-

вольно. Государь разорвал свой платок, перевязал руку больного и оставил его не прежде, как уверившись, что он вне опасности. По приказанию Александра, бедняк был перенесен в город, где император не переставал заботиться о нем и по выздоровлении дал ему средства к безбедному существованию.

Лондонское королевское общество для спасения мнимоумерших, узнав о таком человеколюбивом поступке императора, поднесло ему диплом на звание своего почетного члена и золотую медаль, на одной стороне которой был изображен ребенок, вздувающий только что погашенную свечу с надписью: «*Latet scintilla forsan*» (может быть искра скрывается), а внизу: «*Soc. Lond, in resuscitationem inter mortuorum instit. 1774*». (Лондонское общество, учрежденное в 1774 г. для возвращения к жизни мнимо умерших). На другой стороне медали был выбит дубовый венок с надписью по середине: «*Alexandro imperatori societas regia humana himillime donat.*» (Императору Александру человеколюбивое королевское общество усерднейше приносит) (8).

Милосердие императора Александра было беспредельно в случаях оскорбления его особы дерзкими словами в делах такого рода не было иной резолюции, кроме: «простить». Только по делу казенного крестьянина Пермской губернии, Мичкова, уличенного в произнесении богохульных и дерзких против высочайшей особы слов, последовала, на заключение государственного совета, по которому подсудимый был приговорен к наказанию плетьюми сорока ударами и ссылке в Сибирь, высочайшая резолюция: — «Быть по сему, единственно в наказание за богохульные слова, прощая его совершенно в словах, произнесенных на мой счет» (9).

* * *

Однажды, министр юстиции И. И. Дмитриев, явясь с докладом к императору Александру, представил ему дело об оскорблении величества. Государь, отстранив рукою бумаги, сказал:

— Ведь ты знаешь, Иван Иванович, что я этого рода дела никогда не слушаю. Простить, — и кончено. Что же над ними терять время.

— Государь, — отвечал Дмитриев, — в этом деле есть обстоятельства довольно важные, дозвольте хоть их доложить отдельно.

Александр, и молчав и подумав немного, возразил:

— Нет, Иван Иванович, чем важнее такого рода дела, тем меньше хочу их знать. Тебя это, может быть, удивляет, но я тебе объясню. Может случиться, что я, как император, все-таки прощу, но как человек, буду сохранять злобу, а я этого не хочу. Даже при таких делах, впредь не говори мне никогда и имени оскорбителя, а говори просто: «дело об оскорблении величества», потому что я, хотя и прощу, хотя и не буду сохранять злобы, но буду помнить его имя, а это нехорошо» (10).

* * *

В другой раз, Дмитриев, докладывал государю дело о жестоком обращении одной помещицы с дворовой девкой, вследствие которого последняя умерла. Александр, слушая доклад плакал и говорил — «Боже мой! можем ли мы знать все, что у нас делается! Сколько от нас закрытого, мы и вообразить этого не можем!» В данном случае, при утверждении

сентенции, Александр забыл свою кротость для правосудия (11).

* * *

Отставной подполковник Лисевич был сужден за жестокие поступки с своими крестьянками, под предлогом будто бы они хотели его отравить. Сенат, на основании всемилоостивейшего манифеста 1814 года, освободив Лисевича от следуемого ему по законам наказания, полагал однако же его, как человека вредного для общества, сослать на житье в монастырь. В общем же собрании государственного совета, тринадцать членов согласились с положением сената, а один член изъявил мнение, что хотя в преступлении Лисевича не заключалось, изъятых от помилования, смертоубийств, разбоя и грабежа, однакоже поступки его превосходят грабеж и разбой, потому что, тиранства, какие он совершал над невинными крестьянками, могли прекратить их жизнь. К тому же, он, извещением своим на крестьянок в отравлении его, подвёл их под тяжкую казнь, и не доказав этого обвинения, подлежал по закону равному наказанию. Но как он, по немолодым летам (ему

было тогда 56 лет) неспособен ни к работе, ни к поселению, то по сей единственной причине соглашается сей член с заключением сената о ссылке Лисевича в монастырь. По представлении императору Александру мнения государственного совета последовала высочайшая резолюция: — «Согласен с суждением одного члена».

В доказательство того, что император Александр постоянно стремился везде строго наблюдать правосудие и справедливость, здесь будет кстати привести следующее письмо его к княгине М. Г. Голицыной, просившей государя приостановить взыскание долгов ее мужа (камергера князя Александра Николаевича Голицына) или назначить особую комиссию для их разбора:

«Княгиня Марья Григорьевна! Положение мужа вашего, в письме вашем изображенное, привлекает на себя все мое сожаление; если уверение сие может послужить вам некоторым утешением, примите его знаком моего искреннего к особе вашей участия и вместе доказательством, что одна невозможность полагает меры моего на помощь вашу располо-

жения. Как скоро я себе дозволю нарушить законы, кто тогда почтет за обязанность наблюдать их? Быть выше их, если бы я и мог, но, конечно бы не захотел, ибо я не признаю на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекала; напротив, я чувствую себя обязанным первее всех наблюдать за исполнением его, и даже в тех случаях, где другие могут быть снисходительны, а я могу быть только правосудным; вы слишком справедливы, чтоб не ощутить сих истин и не согласиться со мной, что не только невозможно мне остановить взыскания долгов, коих законность утверждена подписью мужа вашего, я не могу удовлетворить просьбы вашей и с той стороны, чтобы подвергнуть обязательство его особенному рассмотрению, — закон должен быть для всех единствен, и по общей его силе признаются ясными и разбору не подлежащими требованиями: вексель, крепость, запись, контракт и всякое обязательство, где есть собственноручная должников подпись и где нет от оной отрицания. Впрочем, мне довольно известно состояние и имение мужа вашего, чтобы надеяться, что, при

лучшем распоряжении дел его продажею некоторой части оногo, не только все долги заплачены быть могут, но и останется еще достаточное имущество к безбедному нашему содержанию. Сия надежда, облегчая вам жребий, доставит мне удовольствие мыслить, что страхи ваши, может быть, более от нечаянности происшедшие, нежели от самого существа дела родившиеся, сами по себе рассыплются, закон сохранится в своей силе и вы меня найдете справедливым, не переставая верить, что вместе я пребываю навсегда вам доброжелательным» (12).

* * *

Уничтожение крепостного права, было одной из любимых мыслей императора Александра. В 1816 году был сделан первый опыт этого, — утверждением положения для эстляндских крестьян. Инициатива освобождения принадлежала дворянству. Государь предложил Курляндии сделать тоже, а когда дело замедлилось, повелено было ввести или выработанный для нее проект, или утвержденное уже эстляндское положение. Дворянство согласилось на последнее. Лифлян-

дия боролась долго с затруднениями, сопряженными с этим многосложным делом; наконец, в 1818 году, и она приняла учреждение об освобождении крестьян. Замечательны слова Александра лифляндскому дворянству по этому случаю — «Радуюсь, что лифляндское дворянство оправдало мои ожидания. Ваш пример достоин подражания. Вы действовали в духе времени и поняли, что либеральные начала одни могут служить основой счастья народов» (13).

* * *

При вступлении на престол императора Александра, фельдмаршал граф Н. И. Салтыков просил государя об определении своего сына президентом в одну из коллегий. — «Я сам молод, — отвечал ему Александр, — и с молодыми президентами мне нечего делать».

Князь П. А. Зубов, оказавший императору Александру, при его воцарении, важные услуги, просил государя исполнить одну просьбу, не объясняя в чем она заключалась. Государь дал слово. Тогда Зубов представил ему к подписи заранее изготовленный простительный и определительный указ генерал-майору Ар-

беневу, который был виновен в том, что в Итальянскую кампанию 1799 г. скрылся от своего полка во время сражения. Император поморщился, однако подписал: «принять вновь на службу». Через минуту, подойдя к Зубову, он начал просить его также выполнить одну свою просьбу. Зубов униженно выразил готовность исполнить беспрекословно все, что прикажет государь. Тогда Александр сказал ему: «Пожалуйста, раздерите подписанный мною указ». Зубов растерялся, покраснел, но, делать нечего, разорвал бумагу (15).

* * *

В бытность свою, в 1812 году, в Москве, государь остался весьма доволен всеми распоряжениями и мерами, принятыми главнокомандующим первопрестольной столицей, графом Ф. В. Ростопчиным и пожаловал ему эполеты с своим вензелем, сказав при этом — «Я сам теперь у тебя на плечах» (16).

* * *

Известный остряк и каламбурист, обер-камергер А. Л. Нарышкин, пользовавшийся особенным расположением императора Алек-

сандра, несмотря на свое огромное состояние, имел множество долгов, потому что жил слишком роскошно и был очень добр и щедр. В 1810 году, государь пожаловал ему Андреевский орден с бриллиантовыми украшениями, ценою тысяч в тридцать. Новопожалованный кавалер, вечно нуждавшийся в деньгах, поспешил заложить этот орден в Ломбард как вдруг, вслед затем, при дворе был назначен какой-то большой праздник, на который, разумеется, следовало непременно явиться в новой звезде. Что делать и как выпутаться из затруднений? Деньги, полученные под залог ордена, были уже истрачены, достать их скоро было нельзя, а директор Ломбарда был человек неумолимый и неспособный поддаться никаким красноречивым просьбам о осуществлении ордена закладчику хоть на четверть часа прежде уплаты всей ссуды. Сказаться больным, лечь в постель и принимать лекарство, представлялось в настоящем случае средством неловким и неудобным. Оставался один только исход: прибегнуть к царскому камердинеру, у которого хранились две бриллиантовые звезды государя — одна из них, но-

венькая, стоила шестьдесят тысяч рублей. Нарышкин пустил в ход всевозможные убеждения, просьбы, любезности, обещания, и, после продолжительных переговоров, склонил камердинера дать ему надеть новую звезду государеву, под клятвой, что она будет возвращена немедленно после праздника. Весьма довольный, Нарышкин явился в этой звезде во дворец. Случайно взглянув на орден, император по четырем крупным бриллиантам, украшающим углы, заметил разительное сходство с его собственной новою звездою. Несколько раз пристально всмотревшись в орден, государь подошел к Нарышкину, отвел его в сторону и сказал:

— Вот странность, кузен: вы носите звезду точь в точь такую, какую я недавно получил от моего ювелира.

Смущенный Нарышкин отвечал несколькими бессодержательными и бессвязными фразами. Такое замешательство, в виду загадочно-торжественного сходства одного орденского знака с другим, разумеется еще сильнее возбудило в государе подозрение и он с явною сухостью и неудовольствием сказал Нарыш-

кину:

— Не знаю, кузен, ошибаюсь ли я, но скажу вам прямо: полагаю, что это именно моя звезда; сходство с нею просто поразительно.

Окончательно сконфуженный и уничтоженный обер-камергер признается тогда в своей проделке и, предавая себя вполне заслуженной каре, просит только помилования чересчур податливому царскому камердинеру. Изумленный такой неожиданной развязкой, благодушный и снисходительный Александр мгновенно смягчился. Подавив в себе чувство справедливого негодования, он милостиво отвечал кающемуся придворному:

— Успокойтесь. Поступок ваш не на столько важен, чтоб я не умел его простить. Однакож, мне самому не приходится уже употреблять этот орден, а остается подарить его вам — с условием, чтобы я вперед не подвергался подобным заимствованиям моих вещей» (17).

* * *

Дмитриев, при назначении своем министром юстиции, имел всего лишь аннинскую ленту. Однажды находясь у государя, он ре-

шился сказать ему:

— Простите, ваше величество, мою смелость и не удивитесь странности моей просьбы.

— Что такое? — спросил Александр.

— Я хочу просить у вас себе александровской ленты.

— Что тебе вздумалось? — сказал государь с улыбкой.

— Для министра юстиции нужно иметь знак вашего благоволения; лучше будут приниматься его предложения.

— Хорошо, — отвечал Александр, — скоро будут торги на откупа, — ты ее получишь.

Так и сделалось.

Когда Дмитриев пришел благодарить императора, то он, смеясь спросил его:

— Что? Ниже ли кланяются?

— Гораздо ниже, ваше величество, — отвечал Дмитриев (18).

* * *

Дмитриев, вообще был очень сдержан и осторожен, но раз, при докладе государю, ему случилось забыться. По окончании доклада, он подал императору заготовленный к его

подписанию указ о награждении какого-то губернатора орденом. Александр почему-то усомнился и сказал:

— Этот указ внеси лучше в комитет министров.

В то время подобное приказание было не в обычае и считалось исключением. Дмитриев обиделся, встал со стула, собрал бумаги в портфель и отвечал государю:

— Если, ваше величество, министр юстиции не имеет счастья заслуживать вашей доверенности, то ему не остается ничего более, как исполнять вашу высочайшую волю. Эта записка будет внесена в комитет.

— Что это значит? — спросил Александр с удивлением, — я не знал, что ты так вспыльчив! Подай мне проект указа, я подпишу.

Дмитриев подал. Государь подписал и отпустил его очень сухо.

Когда Дмитриев вышел за дверь им овладело раскаяние и досада, что он не удержался и причинил императору, которого чрезвычайно любил, неудовольствие. Под влиянием этих чувств, он вернулся и отворил дверь кабинета. Александр, заметив его, спросил:

— Что тебе надобно, Иван Иванович? Войди.

Дмитриев вошел и со слезами на глазах принес чистосердечное раскаяние.

— Я вовсе на тебя не сердит, — отвечал государь, — я только удивился. Я знаю тебя с гвардии и не знал, что ты такой сердитый. Хорошо, я забуду, да ты не забудешь! Смотри же, чтоб с обеих сторон было забыто, а то, пожалуй, ты будешь помнить! Видишь, какой ты злой! — прибавил он с милостивой улыбкой (19).

* * *

Однажды император Александр прогуливался по обыкновению, по Английской набережной, пешком, в офицерской серой шинели в накидку. Его экипаж на этот раз почему то не следовал за ним, а между тем вдруг хлынул проливной дождь. Государь подозвал первого попавшегося извозчика и, не будучи узнан им, велел везти себя к Зимнему дворцу. При проезде мимо Сенатской гауптвахты, караул, узнавший царя, вышел в ружье и отдал честь с барабанным боем. Изумленный извозчик начал озираться кругом, полагая, что им-

ператор проехал гденибудь близко. — «Ну да любезный, это царь проехал» — улыбаясь, сказал ему седок. Наконец, подъехали к Зимнему дворцу. Александр, не имея при себе денег, — как это обыкновенно случается с державными особами, — просит извозчика обождать, обещая тотчас выслать ему деньги. — «А, нет, ваше благородие, не могу, — отвечает извозчик, — господа офицеры за частую меня надували. А вот оставьте-ка мне вашу шинель в заклад, дело то будет вернее». Государь беспрекословно согласился на это требование, снял шинель, отдал ему ее и ушел. Через несколько минут, он выслал служителя передать извозчику 25 рублей, объявить ему, что он возил государя и получить обратно оставленную шинель. Служитель исполнил поручение в точности; но извозчик вместо того, чтоб обрадоваться чести, которой удостоился и щедрой плате, начал лукаво смеяться и сказал с видом человека себе на уме: — «Ты, голубчик, видно, за дурака меня принимаешь: ведь шинель-то стоит дороже 25 рублей, а почему знать, что у тебя в голове — пожалуй, ты хочешь эдаким манером дешево поживиться

барской шинелью. Пускай лучше барин, которого я возил, сам придет за шинелью, а иначе я ее не отдам». Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы в это время не подошел царский лейб-кучер Илья, которого в Петербурге знал всякий ребенок. Он подтвердил уверение камер-лакея и извозчик, отдав шинель, уехал вполне довольный и счастливый (20).

* * *

Раз, император Александр, выходя из Зимнего дворца, встретил на подъезде молодую девушку простого звания, которая бросилась перед ним на колени.

— Что вам угодно? — спросил ее государь.

— Ах, ваше величество, — отвечала она, — мне предстоит случай выйти замуж, но у меня нет никакого состояния. Будьте милостивы, дайте мне приданое.

Государь не мог не улыбнуться и сказал:

— Послушайте, мое дитя, если все бедные петербургские девушки будут просить у меня приданого, то где же я возьму для этого денег?

Однако он записал фамилию наивной просительницы и на другой день послал ей пятьдесят рублей (21).

В 1818 году, император Александр, возвращаясь из заграницы в Россию, не имел намерения смотреть расположенные по его пути войска и потому нигде не было сделано никаких приготовлений для представления их государю. Кавалерия стояла даже на траве. Император, усматривая из маршрута, что ему приходилось проезжать через местечко, где стояли в то время Белорусский гусарский полк и конно-артиллерийская рота, вдруг послал фельдъегеря с приказом собрать как полк так и роту для смотра их к его приезду. Командиром Белорусского полка был тогда храбрый полковник Ольшевский, а ротою командовал полковник Поздеев. Делать было нечего: несмотря на невыгоды столь неожиданного смотра и на бытность лошадей на траве, полк был собран; но к довершению его несчастья, во время следования к назначенному месту, пошел проливной дождь, который лил в течении всего восьмиверстного перехода. Конно-артиллерийская рота же была счастливее: она пользовалась травкою в самом местечке и потому вышла в строй почти пе-

ред самым приездом государя. Сравнение обеих частей оказалось самое пагубное для Белорусского полка: жалкий вид его слишком ярко бросался в глаза, в виду роты, выехавшей если не в щегольском, то, сравнительно с гусарами, в наилучшем виде. Государь рассердился и немедленно отрешил от должности полковника Ольшевского, а полковника Поздеева назначил командиром полка. Полковник Ольшевский был один из блистательных офицеров русской кавалерии. Он начал службу в Ахтырском полку и командовал эскадронном во время командования полком И. В. Васильчикова[2] и брата его Д. В. Васильчикова и потому был им обоим хорошо известен по своим блистательным качествам.

По возвращении государя в Петербург, он, за обедом, к которому был приглашен И. В. Васильчиков, начал ему рассказывать о неудавшемся смотре и тут же объяснил, что назначил полковника Поздеева командиром полка. На это генерал Васильчиков осмелился выразить его величеству, что он очень сожалеет, что государь лишился в полковнике Ольшевском отличного офицера.

— Но полк его был в ужасном положении, — отвечал государь.

— Тому была какаянибудь причина, ваше величество, полковник же Ольшевский вполне достойный офицер.

Разговор на этом пресекся. После обеда, император подошел к Васильчикову и спросил его:

— Вы, вероятно, хорошо знаете Ольшевского, что так горячо за него заступаетесь?

— Да, государь, знаю его давно, как отличного офицера.

— Но он, верно, любит набивать свой карман?

— Государь, я смело могу сказать вам, что он так же честен, как и я.

Император после этого разговора вышел. Он велел навести справки и, удостоверившись в истине, немедленно приказал дать Ольшевскому отличный конно-егерский полк, а увидевши Васильчикова сказал ему:

— Благодарю вас, Илларион Васильевич, что вы вашими словами дали мне средство исправить мою ошибку (22).

* * *

В воспоминаниях Н. И. Лорера находится следующий любопытный рассказ об императоре Александре и его известном лейб-кучере Илье Байкове:

«В 1823 году, — говорит Лорер, — служил я в лейб-гвардии Московском полку. Мне случилось тогда вступить в караул с моею ротою на главную гауптвахту в Зимний дворец. Не успел я расставить своих часовых и ефрейторов, как является ко мне придворный лакей с запиской от коменданта Башуцкого, чтоб «по воле его величества содержать под арестом лейб-кучера Илью, впредь до приказа». Зная Илью лично, выдавши его часто, то на козлах в коляске, то зимою в санях, я обрадовался принять такого знаменитого гостя, который с лишком двадцать лет имел счастье возить государя по всей Европе и по всей России (потому что обыкновенно почтовый ящик не садился на козлы, а только запрягал лошадей; правил же день и ночь лейб-кучер Илья).

Всякому известно, как несносно стоять целые сутки в карауле, не снимая ни знака, ни шарфа. Со мною были два младшие офицера

моей роты, по установленным правилам. Я принял почтенного Илью Ивановича Байкова самым радушным образом, уверенный, что мне и моим товарищам не будет с ним скучно. Я приказал придворному лакею подать завтрак, к коему пригласил и Илью. Он поблагодарил и сказал мне, впрочем, что «нашему брату есть особенные каморки». — «Нет, почтеннейший, вы будете с нами» — возразил я и налил ему рюмку водки и две рюмки вина. Я радовался, что он кушал с аппетитом и, заметив, что у него выступал пот, я пригласил его снять кучерскую одежду и облегчить себя, что он охотно исполнил: на нем оказался бархатный черный жилет и бархатные шаровары, спущенные в сапоги.

— Скажите мне, за что вас посадили? — Он улыбнулся и сказал: — За слово *знаю!* Известно вам, что его величество никогда не скажет куда именно изволит ехать; но я беспрестанно поворачиваюсь к нему, и он мне кивнет то на право, то налево, то прямо. Не понимаю, как скользнуло у меня с языка сказать: «знаю ваше величество». Государь вдруг сказал мне с гневом: «Кучер ничего не должен знать кро-

ме лошадей!» Приехали мы благополучно и я доставил его во дворец к маленькому крыльцу, откуда государь обыкновенно выезжать и куда приезжать изволит. Двадцать лет вожу его как на ладони; но прежние силы изменяют мне, теперь не то! Поездка его величества в Швецию, в 1812 году, на свидание к шведскому королю, где я не слезал почти с козел день и ночь, между скалами и обрывами, меня изнурила, тут я лишился и силы моей и моего здоровья. Бывало, целую четверку на всем скаку мигом останавливал, так что она осядет на задние ноги».

Подали нам обед и мы весело сели за стол. Илья Иванович стал разговорчивее.

— Мой прежний господин, — рассказывал он, — был известный силач моряк Лукин. Он ломал подковы, из железной кочерги делал крендель. Однажды флот должен был выступить. Государь (Павел Петрович) вошел на корабль и нашел моего барина грустным. Его величество изволил заметить это и спросил отчего? Лукин сказал ему, что чувствует, что не воротится на родину. — К чему так думать, — возразил государь, — конечно, мы все

под властью Божией. Подари мне чтонибудь на память свою. — Что же мне подарить вашему величеству? — отвечал Лукин и, поискавши в своем кармане, вынул целковый, слепил из него чашечку, как будто из воску, и поднес. Государь любил моего барина. Предчувствие его сбылось: он не возвратился на родину; ядром были оторваны у него обе ноги!

— Скажите, Илья Иванович, говорят, что вы делали много добра тем, которым трудно приблизиться к нашему доброму государю?

— Иногда бывало, — отвечал Илья самым простодушным образом.

— Расскажите, расскажите, — сказали мы все трое в один голос. Он говорил очень хорошо, но некоторые фразы и слова были кучерские. Будь он грамотный, какие интересные записки мог бы он написать!

— В 1805 году, — начал Илья, — под Аустерлицем, где нас в пух разбили и вся армия бежала, я едва мог отыскать государя. Он был болен, лежал на соломе, в немецкой избушке. Я привез ему его шинель. За неделю до открытия кампании, генерал Лошаков женился на

очень хорошенькой польке. Одним словом, была красотка! После сражения он без спроса уехал к жене, которая была очень близко от наших границ, и за такой поступок главнокомандующий Кутузов отдал его под суд, а император приказал посадить в Киевскую крепость, в каземат. После окончания войны, когда все уже успокоилось, госпожа Лошакова приехала в Петербург хлопотать о своем муже. Она бедная ходила ко всем министрам, даже и к Аракчееву. Только и было слышно: «не принимать, не принимать!» Как чумную! Бедная генеральша скиталась по улицам, а полиция во все глаза следила за нею. Однажды, какая то старушка, встречая ее очень часто на улице и, видя ее молодость и красоту, сказала ей: «Эх матушка родная, не ищите в них покровительства и сходите лучше к лейб-кучеру Илье Ивановичу: он добрый человек и пожалеет вас». Она показала дом мой, что на Фонтанке. Лошакова, выслушав старуху, отправилась ту же минуту ко мне, взошла и плачевным голосом сказала: — Милостивый государь, я генеральша Лошакова, пришла к вам просить вашего покровительства, до-

ставьте мне свидание с императором, чтобы я могла подать ему мою просьбу. — Признаюсь вам, господа, я задумался, просил ее сесть и успокоиться; подумал и сказал: — С Богом берусь за это дело, хотя для меня это весьма опасно. Я не иначе могу доставить вам свидание, как по моему делу, по кучерскому. Теперь слушайте меня внимательно, чтоб нам не ошибиться. Завтрашний день император в троичных санях выезжает в Царское Село. Остановитесь вы на Адмиралтейском бульваре, против маленького подъезда Зимнего дворца, наденьте на себя чтонибудь яркое или цветное, чтоб я мог заметить вас, потому что тут народ и зеваки стоят: прохожие, как увидят, что сани государевы стоят для отъезда, то ожидают его выхода взглянуть на императора. Да чтоб прошение ваше о муже было готово у вас! Вы отделитесь не много от толпы, чтоб мне лучше распознать вас. Надеюсь, что Бог поможет нам. — Настало утро пасмурное, пошел снег. Надобно, господа, знать, что император не любит останавливаться в толпе народа до того, что мы иногда объезжаем толпу. Сядясь в сани, его величество, когда бы-

вает в хорошем нраве, всегда изволит сказать: — Здорово Илья! — Но тут не поздоровавшись сел в сани и мы тронулись. — Ну, плохо! — подумал я. Как только я увидел Лошакову и поравнялся с нею, я дернул правую лошадь и она переступила постромку. Сани остановились: другой кучер, который стоял поодаль, прибежал и освободил лошадь — я же, не слезая, стоял в санях готовый. Лошакова бросилась к ногам императора. Государь поспешно вышел из саней, поднял ее, стал с нею говорить милостиво на иностранном языке.

Она подала ему прошение свое; он взял его, ласково поклонился, и мы быстро помчались. Когда мы проехали московскую заставу, государь сказал мне: — Илья! это твои штуки? — Тогда я осмелился рассказать ему все дело. — Спасибо тебе. Я прощу Лошакова, произведу его в действительные статские советники, пошлю фельдъегеря, чтоб его освободили из Киевской крепости; но строго приказываю впредь не доводить меня до таких свиданий, — и при этом сам улыбнулся. Тогда я снял шляпу и перекрестился. — Слава Господу

Богу! Все кончилось благополучно! — На другой день генеральша пришла со слезами благодарить меня и была в восторге от нашего императора. Она принесла гостинцев моим детям, игрушек, пряников, два ящика конфет, а на другой день уехала в Киев, чтоб встретить своего счастливого мужа, освобожденного из крепости» (23).

* * *

Однажды, при обычной прогулке государя, по улицам Петербурга, в дрожках, запряженных в одну лошадь, лейб-кучер Илья привез его на конец города.

— Зачем ты поехал сюда? — спросил Александр.

— Если ваше величество позволите мне, то я скажу о том после — отвечал Илья и проехав еще несколько домов, остановился у полуразвалившейся избы. — Государь, сказал он, — здесь живет вдова моего прежнего господина.

Александр не отвечал ни слова, но, по возвращении во дворец, вручил Илье деньги для передачи его прежней госпоже, назначив ей тогда же пожизненную пенсию (24).

По какому-то ведомству высшее начальство представляло несколько раз одного из своих чиновников по фамилии Гаврюшкина то к повышению чином, то к денежной награде, то к кресту, и каждый раз император Александр вымарывал его из списка. Чиновник этот не занимал особенно видного места и ни по каким данным не мог быть особенно известен государю. Удивленный начальник не знал как разрешить свое недоумение и наконец осмелился спросить у государя о причине неблаговоления его к означенному чиновнику.

— Он пьяница, — отвечал государь.

— Помилуйте, ваше величество, я вижу его ежедневно, а иногда и по несколько раз в течение дня; смею удостоверить, что он совершенно трезвого и добронравного поведения и очень усерден к службе; позвольте спросить, что могло дать вам о нем такое неблагоприятное и, смею сказать, несправедливое понятие?

— А вот что, — сказал государь, — одним летом в прогулках своих, я почти каждый

день проходил мимо дома, в котором у открытого окна был в клетке попугай; он беспрестанно кричал: «пришел Гаврюшкин, — подайте водки».

Разумеется, государь кончил тем, что дал более веры начальнику, чем попугаю и опала с несчастного чиновника была снята (25).

* * *

Проезжая в 1824 году, через Екатеринославскую губернию, император Александр остановился на одной станции пить чай. Пока ставили самовар, государь разговаривал с станционным смотрителем и, увидев у него на столе книгу Нового Завета, в довольно подержанном виде, спросил:

— А часто ли ты заглядываешь в эту книгу?

— Постоянно читаю, ваше величество.

— Хорошо. Читай, читай, — заметил император, — это дело доброе. Будешь искать блага души, найдешь и земное счастье. А где ты остановился в последнее чтение?

— На евангелии св. апостола Матфея, ваше величество.

Государь выслал за чем-то смотрителя и в

его отсутствие проворно развернул книгу, отыскал одну из страниц евангелия от Матфея и, положив в нее несколько ассигнаций, закрыл книгу.

Прошло несколько недель. Возвращаясь обратно по той же дороге, государь узнал станцию и приказал остановиться.

— Здравствуй старый знакомый, — сказал он входя к смотрителю, — а читал ты без меня свое евангелие?

— Как же, ваше величество, ежедневно читал.

— И далеко дошел?

— До св. Луки.

— Посмотрим. Дай сюда книгу.

Государь развернул ее и нашел положенные им деньги на том же месте.

— Ложь великий грех! — сказал он, вынул бумажки и указавши смотрителю на прикрытую ими страницу, прибавил: — «читай».

Смотритель с трепетом прочитал:

— Ищите прежде всего царствия Божия, а прочее все приложится вам.

— Ты не искал царствия Божия, — заметил государь, — а потому не достоин и царского

приложения.

С этими словами он вышел, отдал деньги на бедных села и уехал, оставив зрителя в полном отчаянии (26).

* * *

В старину, проезд через заставу был делом государственной важности не только у нас, но и в других государствах: во Франции и в Германии этот порядок соблюдался, может быть, еще строже и докучливее, нежели в России. А. А. Волков, хорошо знакомый Москве, сперва как полицмейстер, потом как обер-полицмейстер, комендант и, наконец, как начальник московского жандармского управления, — и во всех этих званиях равно любимый москвичами, — рассказывал, что он нередко имел личные доклады у императора Александра и всегда все сходило с рук благополучно. Одни представления (в звании коменданта) рапортов государю, во время пребывания его в Москве, о военных чинах, приезжих и отъезжих, озабочивали его: не редко они бывали поводом к высочайшим замечаниям и выговорам. Государь имел необыкновенную память и сметливость. Казалось, что

он знает наизусть фамилии всех офицеров русской армии — кто в каком полку и какого чина. Малейшая описка в рапорте разом и прямо кидалась ему в глаза. «Не подумай, Волков, — сказал он однажды, — что я придираюсь к тебе», — при этих словах, государь подошел к столу, выдвинул ящик и показал ему в каком порядке лежат у него подобные рапорты. «Из трех моих столиц, — прибавил он, — из Петербурга, Москвы и Варшавы» (27).

* * *

На Каменном острове, в оранжереях, император Александр заметил однажды на дереве лимон необычайной величины. Он приказал принести его к себе тотчас же как только он спадет с дерева.

Разумеется, по излишнему усердию, к лимону приставили особый надзор и наблюдение за ним перешло на долю и ответственность караульного офицера. Нечего и говорить, что государь ничего не знал об устройстве этого обсервационного отряда. Наконец, роковой час пробил: лимон свалился. Приносят его к караульному офицеру, который, верный долгу и присяге, спешит с ним во дворец.

Было далеко за полночь и государь уже лег в постель, но офицер приказывает камердинеру доложить о себе. Его призывают в спальню.

— Что случилось, — спрашивает встревоженный государь, — не пожар ли?

— Нет, ваше величество, — отвечает офицер, — благодаря Бога о пожаре ничего не слышать. А я принес вам лимон.

— Какой лимон?

— Да тот, за которым ваше величество повелели иметь особое и строжайшее наблюдение.

Тут государь вспомнил и понял в чем дело. Можно судить, как Александр Павлович, отменно вежливый, но вместе с тем вспыльчивый, отблагодарил чересчур усердного офицера, который долго после того был известен между товарищами под прозвищем «лимон» (25).

* * *

В записках М. А. Дмитриева, племянника известного писателя и министра юстиции И. И. Дмитриева находится следующий любопытный рассказ о том, как он получил звание

камер-юнкера.

— «Дядя мой, — говорит Дмитриев, — уже был семь лет в отставке и жил в Москве. Я тогда был помолвлен. Дяде хотелось, к моей свадьбе, доставить мне звание камер-юнкера. Не смея писать об этом прямо к государю, несмотря на уверенность в его милости, он написал к Карамзину, что желал бы узнать, сохранил ли к нему государь прежнее благоволение и может ли он написать к нему о своей просьбе. Император жил тогда в Царском Селе. Встретившись с Карамзиным в саду, он сел на скамейку и посадил его подле. Первый вопрос был, как всегда: — «Пишет ли к тебе Иван Иванович и здоров ли он?» — Пишет, государь, я еще имею от него поручение. — «Какое?» — Он желает узнать от меня: сохранили ли вы к нему прежнее милостивое благоволение? — «Что это значит? Разве он сомневается?» — Нет, государь, но у него есть просьба. — «Какая?» Карамзин сказал о камер-юнкерстве. Надобно сказать, что государь, при начале разговора с Карамзиным, взял у него трость. Не отвечая ничего на последние слова его, он начал писать на песке тростью и напи-

сал: «быть по сему». Карамзин, видя это, ободрился и решился спросить: Какой же ответ прикажете мне написать? Александр отвечал — «Ты ответ видишь». — Но это, государь, написано на песке, — заметил Карамзин с улыбкою. — «Что я написал на песке, то напишу и на бумаге!»

По уведомлении об этом, дядя мой написал письмо уже к самому императору. Таким образом 19 августа 1821 года получил я звание камер-юнкера» (29).

* * *

Однажды, в 1815 году, в Париже, за обедом, граф Аракчеев предложил государю учредить в воспоминание чрезвычайных событий того времени новый орден с пенсионом, или присоединить пенсионы к орденам св. Георгия и Владимира и назначить пенсионы эти тем, кто отличился или был изувечен в последних походах.

— Но где мы возьмем денег? — спросил император.

— Я об этом думал, — отвечал Аракчеев, — полагаю обратить на сей предмет в казну имения тех поляков, которые служили в 1812

году Наполеону и, невзирая на дарованное им прощение, не возвратились в Россию, как например князей Радзивилов.

— То есть конфисковать их?

— Так точно, — отвечал Аракчеев.

— Я конфискаций не люблю, — возразил император, — ежели возьмем пенсион для предлагаемых тобою орденов с конфискованных имений, то пенсионны сии будут заквашены слезами.

Разумеется, после этих слов Аракчеев более уже не возобновлял своего предложения (30).

* * *

Император Александр не знал Карамзина до 1811 года. В этом году, намереваясь посетить жившую в Твери великую княгиню Екатерину Павловну, государь пожелал видеть там Карамзина, который по приглашению великой княгини и приехал в Тверь. Здесь читал он в первый раз государю свою «Историю Государства Российского», что изображено на одном барельефе памятника, воздвигнутого историографу на его родине, в Симбирске. Со вниманием прослушав до глубокой ночи чте-

ние любопытнейших отрывков исторического труда Карамзина, государь сказал:

— Русский народ достоин иметь свою историю.

«История Государства Российского» по повелению императора была напечатана без цензуры. — Государь предварительно сам рассматривал рукопись первых восьми томов и сделал некоторые замечания. На вопрос Карамзина: прикажет ли исправить места им отмеченные? Александр отвечал, что делал эти отметки только для себя, но чтоб печатать все, как есть в рукописи.

В 1822 году, уезжая на конгресс в Верону, государь взял с собою в рукописи десятой том «Истории», заключающий в себе царствование Феодора Иоанновича. — «В первые три дня моего путешествия, — писал он Карамзину, — имел я довольно времени, чтоб со вниманием прочесть тетради, вами мне доставленные. Чтение сие заняло меня весьма приятно и произвело во мне уверение, что новый том Российской Истории будет достойным продолжением прежде напечатанных. Если после сего чтения встретил бы я вас на про-

гулке нашей ежедневной в Царском Селе, то, может быть, дозволил бы себе войти с вами в рассуждение о трех или четырех выражениях, возбудивших некоторое сомнение во мне о их правильности. Но на письме сие неудобно и для того отлагаю до моего возвращения, прося вас не останавливать ни мало ваших приготовлений к, тиснению. Теперь ожидаю с нетерпением первого фельдъегеря, дабы с обратным отправлением оного скорее доставить вам назад вверенные мне тетради и тем уничтожить опасения ваши о их целости. Прежде нежели заключу сии строки, прошу вас засвидетельствовать мое почтение Екатерине Андреевне[3]. Искренно сожалею, что не удалось мне с обоими вами проститься в день моего отъезда. Все было мною сделано для сего по обыкновению, но на сей раз тщетно. Кончаю уверением в всегдашней моей преданности к вам» (31).

Император Александр любил сохранять в своем кабинете постоянно один и тот же порядок: письменные столы его содержались в необыкновенной опрятности; на них никогда не было видно ни пылинки, ни лишнего лос-

кутка бумаги. Всему было свое определенное место; сам государь вытирал тщательно каждую вещь и клал туда, где раз навсегда она была положена. На всяком из стоявших в кабинете столов и бюро лежали свернутые платки для сметания пыли с бумаг и десятков вновь очиненных перьев, которые употреблялись только однажды, а потом заменялись другими, хотя бы то было единственно для подписи имени. Поставка перьев, очиненных по руке государя, отдавалась на откуп одному из заслуженных дворцовых служителей, подучавшему за то ежегодно три тысячи рублей.

В начале своего царствования, император имел при себе довольно ловких и сметливых камердинеров (обыкновенно двух, сменявшихся между собою), но впоследствии, заметив, что они передавали содержание бумаг, оставляемых на письменном столе в царском кабинете и, уличив виновных, государь удалил их, обеспечив будущее обоих, и затем держал при себе для услуги людей попроще, снося терпеливо их бестолковость и неловкость. Однажды когда Александр страдал рожеею на ноге, помощник лейб-медика Тарасов

пришел сделать ему обычную перевязку. Государь, пересев с кресла на диван, приказал камердинеру Федорову, которого в шутку называл «Федоровичем», подвинуть к нему столик, на котором лежали бумаги и стояла чернильница с прочими письменными принадлежностями. Исполняя приказание, Федор, схватив столик, подвинул его так неловко, что опрокинул бумаги на пол и залил их чернилами. — «Ну, брат, Федорович, какую ты наделал кувырк-коллегию» — сказал спокойно Александр, подняв сам бумаги из опасения, чтоб его камердинер не испортил их еще более (32).

* * *

Император Александр, живя весною и летом в Царском Селе, которое очень любил, вел там следующий образ жизни: проснувшись в 7-м часу утра, он пил чай, всегда зеленый с густыми сливками и с поджаренными гренками, из белого хлеба затем одевшись, выходил в сад в свою любимую аллею, из которой постоянно направлялся к плотине большего озера, где обыкновенно ожидали его: главный садовник Лямин и все птичье

общество, обитавшее на птичьем дворе, близ этой плотины. К приходу государя птичники обыкновенно приготавливали в корзинах корм для птиц. Почуввав издали приближение государя, все птицы приветствовали его на разных своих голосах. Подойдя к корзинам, император надевал особенно приготовленную для него перчатку и начинал сам раздавать корм. После того делал различные распоряжения относящиеся до сада и парка и отправлялся в дальнейшую прогулку. В 10 часов он возвращался во дворец и иногда кушал фрукты, особенно землянику, которую предпочитал всем прочим ягодам. К этому времени Лямин обыкновенно приносил большие корзины с различными фруктами из обширных царскосельских оранжерей. Фрукты эти, по указанию государя, рассылались разным придворным особам и семействам генерал-адъютантов, которые занимали домики китайской деревни.

После того, государь, переодевшись, принимал министров, по назначению приезжавших с докладами из Петербурга и начальника своего главного штаба. Окончив свои заня-

тия, в 3-м часу он отправлялся в Павловск к своей матери императрице Марии Феодоровне и возвратясь оттуда, в 4 часа обедал. После обеда прогуливался или в экипаже или верхом. В 9-м часу пил вечерний чай, после которого занимался работою в своем маленьком кабинете; в 11-ть часов кушал, иногда простоквашу, иногда чернослив, приготовляемый для него без наружной кожицы. Затем раздевался и, перекрестясь, ложился в постель и тотчас засыпал, постоянно на левом боку. Он спал всегда таким крепким сном что шум и крик дежурного камердинера и лакея, прибравших обыкновенно в спальне его платье, белье и разные вещи, ни мало не препятствовали его сну. Камердинеры его говорили, что как, только государь ложился в постель и они укрывали его одеялом, то он мгновенно засыпал так, что хоть из пушек стреляй, — не услышит (33).

* * *

Из всех Петербургских наводнений, самое бедственное было, как известно, наводнение 7-го ноября 1824 года. Продолжительный морской ветер нагнал массу воды в Неву и она,

выступив из берегов, разлилась по улицам и площадям столицы, угрожая всеобщим разрушением и уничтожением. Обломки деревянных домов, суда, животные, домашняя утварь, носились по улицам. Население было в страшной агонии — видели ясно, что если морской ветер продолжится еще два часа, то город погиб. Провидение на этот раз отклонило гибель. Ветер начал стихать и переменять направление; вода убыла, но бедствия, которые она оставила за собою, были огромны.

Император Александр, в порыве своей со-страдательной души, работал неусыпно, как во время наводнения, так и после него, посещая жилища бедняков и принося им помощь вещественную и утешение. Едва вода на столько сбыла, что можно было проехать по улицам, он отправился в Галерную. Тут страшная картина разрушения предстала перед ним. Видимо пораженный, он остановился и вышел из экипажа. Несколько минут стоял он, не произнося ни слова; слезы медленно текли по щекам. Народ обступил его с воплем и рыданием. — «За наши грехи Бог нас карает» — сказал кто-то из толпы. — «Нет, за мои

» — отвечал с грустью государь. Распорядившись о временном приюте и пособии пострадавшим, оставив для исполнения и наблюдения одного из своих генерал-адъютантов, он отправился на Литейный завод, подъехал к уцелевшему зданию, вокруг которого толпился народ, и, вошедши в него, увидел другого рода картину: на полу и нарах лежали двенадцать или более трупов, иные уже в гробах, другие еще ожидали своего вечного помещения. Государь оставался и тут несколько времени. Он как будто намеренно пытал себя этим зрелищем, чтобы внутренними муками искупить тот грех, который созидало его мрачное воображение. Событие это имело большое влияние на восприимчивую душу Александра и, к несчастью, не осталось также без последствий на его здоровье, которое не могло без ущерба выдержать столько потрясений нравственных, таких трудов и усилий физических (34).

* * *

Задолго до 1812 года, император Александр, разговаривая о Наполеоне с сестрой своей великой княгиней Марией Павловной,

сказал следующие замечательные слова: «Il n'y a pas de place pour nous deux en Europe: tôt ou tard, l'un ou l'autre doit se retirer.» (Нам обоим нет места в Европе: одному из нас, рано или поздно, должно отступить). Это доказывает, что народная русская война не была случайностью и государь давно носил в себе предчувствие ее неминуемости (35).

* * *

Перед объявлением войны России, в 1812 году, Наполеон отправил послу своему при Петербургском дворе Коленкуру депешу, в которой, между прочим, писал, «что французское правительство никогда не было так наклонно к миру, как в настоящее время и что французская армия не будет усилена». Получив эту депешу, Коленкур тотчас сообщил ее лично императору Александру. Государь, имея неоспоримые доказательства, что Наполеон деятельно готовился к войне, отвечал на уверения Коленкура — «Это противно всем полученным мною сведениям, господин посланник, но ежели вы скажете мне, что этому верите, то и я изменю мое убеждение». Такое прямое обращение к честности благородного

человека победило скрытность дипломата: Коленкур встал, взял свою шляпу, почтительно поклонился государю и ушел, не сказав ни слова (36).

* * *

Отпуская, в 1812 году, в действующую армию военного агента английского правительства, генерала Вильсона, император Александр при прощании сказал ему — «Прошу вас объявить всем от моего имени, что я не стану вести никаких переговоров с Наполеоном, пока хоть один вооруженный француз будет оставаться в России... Лучше отращу себе бороду по пояс и буду питаться картофелем в Сибири» (37).

* * *

Известие о занятии французами Москвы было привезено в Петербург состоявшим при действующей армии полковником Мишо. Император Александр, услышав скорбную весть, сказал:

— Само Провидение требует от нас великих жертв, особенно от меня. Покоряюсь его воле. Но скажите: что говорили войска, оставляя без выстрела древнюю столицу. Не заме-

тили ли вы упадка в их духе?

— Позвольте ли мне, как солдату, говорить вашему величеству откровенно? — отвечал Мишо.

— Я всегда требую откровенности, но теперь прошу вас: не скрывайте от меня ничего, скажите мне чистосердечно всю истину.

— Государь, признаюсь я оставил армию от Кутузова до последнего солдата в неопи-санном страхе...

— Что вы говорите! Неужели русские со-крушены несчастьем?

— Нет, государь, они только боятся, чтобы вы, по доброте вашего сердца, не заключили мира — они горят желанием сразиться и до-казать вам свою преданность.

— Вы облегчили мое сердце, — сказал госу-дарь, потрепав Мишо по плечу, — вы меня успокоили. Возвратитесь в армию, говорите моим верноподданным, везде где вы будете проезжать, что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое верное дворян-ство и добрых поселян, буду сам предводи-тельством ими и подвину все средства мое-ей империи. Россия представляет мне более

способов, чем полагает неприятель. Но если судьбою и промыслом Божиим предназначено роду моему не царствовать более на престоле моих предков, то, истощив все усилия, я отращу себе бороду до сих пор (при этих словах государь указал на свою грудь) и лучше соглашусь питаться хлебом в недрах Сибири, нежели подписать стыд моего отечества и добрых моих подданных, пожертвования коих умею ценить. Провидение испытывает нас, будем надеяться, что оно нас не оставит. Не забудьте, что я вам теперь говорю; может быть настанет время, когда мы вспомним о том с удовольствием. Наполеон или я, я, или он, — но вместе мы царствовать не можем. Я узнал его. Он более меня не обманет.

— Государь, — отвечал Мишо, — ваше величество подписываете в эту минуту славу вашего народа и спасение Европы.

— Да исполнится предсказание ваше, — сказал Александр, — подите отдыхать и будьте готовы возвратиться в армию.

Император, разговаривая с Мишо, заметил, что он был расстроен и огорчен до глубины души. Александр, не могший равнодушно ви-

деть ничьей скорби, принял горячее участие в положении офицера, страдавшего при исполнении долга службы, и желая утешить его, написал фельдмаршалу Кутузову, чтобы он прислал Мишо с первым радостным известием из армии.

Исполняя волю государя, Кутузов отправил Мишо с донесением о победе при Тарутине. На этот раз счастливый вестник, объяснив императору подробности боя, доложил ему о желании войск, чтобы он лично принял над ними начальство. — «Присутствие вашего величества сделает их непобедимыми» — прибавил Мишо.

— Все люди честолюбивы, — отвечал ему император, — признаюсь откровенно, что и я не менее других, и если бы теперь увлекся этим чувством, то сел бы с вами в коляску и отправился в армию. Принимая во внимание невыгодное положение, в которое мы вовлекли неприятеля, отличный дух армии, неисчерпаемые средства империи и направление, данное мною Дунайской армии, я несомненно уверен, что мы победим и что нам, после всего сделанного, остается только, как вы го-

ворите, пожинать лавры. Знаю, что если я буду при армии, то вся слава успеха отнесется ко мне и что я займу место в истории. Но когда подумаю, как мало опытен я в военном деле в сравнении с Наполеоном и что, невзирая на добрую волю мою, я могу сделать ошибку, от которой прольется драгоценная кровь детей моих, тогда, несмотря на мое честолюбие, я охотно готов жертвовать личную славою для блага армии. Пусть пожинает лавры тот, кто более меня достоин их. Возвратитесь к фельдмаршалу, поздравьте его с победою и скажите ему, чтоб он выгнал неприятеля из России (38).

* * *

В сражении при Кульме был взят в плен известный своею жестокостью и бесчеловечием французский генерал Вандам (про которого сам Наполеон выразился однажды следующим образом: «если б у меня было два Вандама, то одного из них я непременно повесил бы»). Представленный императору Александру и опасаясь мщениия за совершенные злодеяния, Вандам сказал государю — «Несчастье быть побежденным, но еще более, — по-

пасть в плен; при всем том, считаю себя благополучным, что нахожусь во власти и под покровительством столь великодушного победителя». Государь отвечал ему: — «Не сомневайтесь в моем покровительстве. Вы будете отвезены в такое место, где ни в чем не почувствуете недостатка, кроме того, что у вас будет отнята возможность делать зло» (39).

* * *

Посылая флигель-адъютанта Орлова для переговоров о сдаче Парижа, в 1814 году, император Александр сказал ему — «De gré ou de force, au pas de charge ou au pas de parade; sur les décombres ou sous les lambris dorés, il faut que l'Europe couche aujourd'hui même à Paris»... (Волею или силою, на штыках или парадным шагом, на развалинах, или в золоченых палатах, — надо, чтобы Европа ночевала сегодня в Париже) (40).

* * *

Во время торжественного вступления русских войск в Париж, император Александр находился в самом радостном настроении духа и весело шутил с лицами своей свиты. А. П. Ермолов, вспоминая этот день, рассказы-

вал, что государь подозвал его к себе и указывая незаметно на ехавшего о бок австрийского фельдмаршала князя Шварценберга, сказал по русски — «По милости этого толстяка не раз ворочалась у меня под головою подушка» — и помолчав с минуту спросил:

— Ну что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге? Ведь, право, было время, когда у нас, величая Наполеона, меня считали простаком.

— Не знаю, государь, — отвечал Ермолов, — могу сказать только, что слова, которые я удостоился слышать от вашего величества, никогда еще не были сказаны монархом своему подданному (41).

* * *

Вступая в Париж, на радостные приветствия народа и крики: «да здравствует император Александр!», государь отвечал: — «Да здравствует мир! Я вступаю не врагом вашим, а чтобы возратить вам спокойствие и свободу торговли». — «Мы уже давно ждали прибытия вашего величества» — сказал один из французов. — «Я пришел бы ранее к вам, — возразил Александр, — но меня задержала

храбрость ваших войск» (42).

* * *

Когда, по занятии союзными войсками Парижа, французский сенат объявил (21 марта 1814 г.) императора Наполеона и всех лиц его семейства лишенными права на престол Франции, Наполеон, находившийся в Фонтенбло, прислал к императору Александру, с целью склонить его в свою, пользу, бывшего французского посла в Петербурге, Коленкура. Государь принял благосклонно сановника, оставшегося преданным и в несчастий своему властителю, но остался непоколебим в намерении не мириться с Наполеоном. — «Я не питаю никакой ненависти к Наполеону, — сказал Александр, — он несчастлив и этого довольно, чтоб я позабыл зло, сделанное им России. Но Франция, Европа, имеют нужду в мире и не могут пользоваться им при Наполеоне. Пусть он требует, что пожелает, собственно для себя. Если бы он согласился удалиться в мои владения, то нашел бы там щедрое, и, что еще лучше, радушное гостеприимство. Мы дали бы великий пример свету, — я — предложив, а Наполеон, — приняв это

убежище. Но мы не можем с ним вести переговоров ни о чем, кроме его отречения от престола» (43).

* * *

Проезжая мимо Вандомской колонны в Париже и взглянув на колоссальную статую Наполеона, воздвигнутую на ней, император Александр сказал: — «Если б я стоял так высоко, то боялся бы, чтоб у меня не закружилась голова» (44).

* * *

По окончании большого смотра русских войск в окрестностях Парижа, император Александр возвращался в город в карете. Кучер его, француз, по неосторожности, задел коляску частного человека, сломал ее и опрокинул. Государь тотчас вышел из кареты, поднял хозяина коляски, извинился перед ним и спросил его фамилию и адрес. Вечером он отправил к нему дежурного адъютанта узнать о здоровье, а на другой день прислал в подарок богатый перстень, новую коляску и прекрасную лошадь, приказав вторично просить извинения в случившемся (45).

* * *

В сражении при Монмартре особенно отличился находившийся в русской службе генерал граф Ланжерон. Через несколько дней после этого, на обеде, к которому был приглашен и Лонжерон, император Александр обратился к графу и сказал: — «Я недавно осматривал высоты Монмартра и нашел там запечатанный конверт на ваше имя». — Ланжерон отвечал, что ничего не терял. — «Однако, я, кажется, не ошибся» — возразил государь, и, вынув из кармана пакет, подал ему, прибавив: «посмотрите». Взяв пакет, Ланжерон с удивлением увидел что он, действительно, адресован на его имя. Можно судить о его радости когда, распечатав пакет, он нашел в нем орден св. Андрея Первозванного (46).

* * *

Отправляя графа Шувалова (в 1814 г.) в качестве русского комиссара для сопровождения отрекшегося от престола Наполеона на остров Эльбу, император Александр сказал ему при прощании — «Я доверяю вам важную обязанность: вы будете строго отвечать за каждый волос, упавший с головы Наполеона» (47).

* * *

В 1813 году, во время пребывания в Дрездене, государь, по обыкновению, совершал свои прогулки по городу пешком, один, без всякой свиты. Одна крестьянка, увидев его прогуливающимся таким образом, в изумлении сказала: — «Смотрите-ка! ведь это русский император идет один! Право, видно, у него чистая совесть» (48).

* * *

В 1814 году, во время пребывания императора Александра в Лондоне, во всем блеске озарившей его славы, там находились знаменитые филантропы — квакеры Грелье и Аллен. На одном из митингов общества квакеров или, как они себя называли, «друзей», Грелье предложил, пользуясь предстоявшим тогда прибытием союзных монархов, внушить им, что «царство Христа есть царство мира». Эта мысль была встречена «друзьями» с большим сочувствием. Как только государи приехали в Лондон, квакеры немедленно составили адрес и назначили депутацию «на случай если б среди лести, которой монархи внимали ежедневно, им вздумалось на мину-

ту выслушать голос истины». Депутация состоявшая из четырех членов, в числе которых были Грелье и Аллен, сперва отправились к королю прусскому и в ответ на свой адрес услышала от него, что в его владениях есть несколько квакеров, что это прекрасные люди, что же касается войны, то она необходима для достижения мира. Вообще, квакеры остались недовольны вежливым, но холодным приемом Фридриха-Вильгельма.

— Совсем иным образом принял нас другой, более великий человек и государь — говорили «друзья» посетив императора Александра. Государь в сопровождении сестры своей великой княгини Екатерины Павловны, молодого сына ее герцога Ольденбургского и других лиц, предупредив депутацию квакеров, неожиданно появился на их митинге, присутствовал при богослужении «друзей», и уходя пожал руки ближайшим из них.

Два дня спустя, депутаты общества прибыли, как им было назначено, в отель Пульте-ней, где имел местопребывание император, для представления ему своего адреса. Александр принял их весьма ласково, пожимая им

дружески руки, и тотчас стал расспрашивать их о религиозных их мнениях, богослужении и других предметах. При объяснении основных начал общества Алленом, государь несколько раз повторял: — «Я думаю также». — «Служение Богу, — продолжал он, — должно быть духовно; внешние же формы имеют важность второстепенную. Я сам молюсь каждый день не в форме слов, но подобно тому, как представляются мне тогда мои нужды. Прежде я держался слов, но слова часто были неприложимы к состоянию моего духа». Квакеры говорили о войне, как о незаконном деле, о рабстве людей, против которого они постоянно боролись, о народных школах. Когда же Грелье осмелился завести речь об ответственности государя столь обширной страны, какова Россия, на глазах Александра показались слезы; он взял квакера за руку своими обоими руками и сказал: — «Ваши слова долго останутся запечатленными в моем сердце». Государь уверял депутатов, что он согласен с большею частью их убеждений и что, несмотря на свое исключительное положение, он соединен с ними в духовном покло-

нении Христу. Прощаясь с квакерами, Александр приглашал их к себе в Россию и несколько раз повторил — «Если кто из вас отправится в мою страну по религиозным делам, пусть не ждет представления, а приходит прямо ко мне. Я буду рад видеть его. Расстаюсь с вами, как друг и брат» (49).

* * *

Канцлер Оксфордского университета, лорд Гренвиль, поднес императору Александру при посещении им университета диплом на звание «доктора прав».

— Как мне принять сей диплом, — сказал государь, — я не держал диспута.

— Ваше величество, — отвечал канцлер, — вы выдержали такой диспут против утеснителя народов, какого не выдерживал ни один доктор прав на всем свете (50).

* * *

Осматривая, в 1814 году, в Гарлеме, достопримечательности этого города, император Александр остановился у модели гранитного камня, служащего подножием памятнику Петру Великому в Петербурге.

При этом, сопровождавший монарха про-

фессор Ланге сказал ему.

— Государь! Наше общество гордится, видя в среде своей героя, которому человечество с доверием дает название Марка-Аврелия, а религия, — благословенного.

— Марк-Аврелий, — отвечал Александр, — может служить хорошим примером властителям, но я не могу с ним равняться, а только стараюсь подражать ему (51).

* * *

В бытность свою в Амстердаме, в 1814 году, император Александр, встававший обыкновенно весьма рано и прогуливавшийся по городу в статском платье, зашел в девятом часу утра к купцу Кесвельту, у которого пожелал видеть принадлежавшую ему знаменитую картинную галерею. Когда один из сопровождавших государя местных жителей заметил, что он встает очень рано, не дав себе достаточного отдыха, император отвечал, что привык к этому в военное время. — «Правда, — прибавил он, — что я купил эту привычку дорогою ценою и надеюсь впредь не иметь в том нужды, по продолжаю вставать рано затем, что выигрываю таким образом ежеднев-

но по несколько часов» (52).

* * *

В 1818 году, беседуя с прусским епископом Эллертом, император Александр сказал ему — «Императрица Екатерина была умная, великая женщина, но что касается воспитания сердца в духе истинного благочестия, при петербургском дворе было — как почти везде. Я чувствовал в себе пустоту и мою душу томило какое-то неясное предчувствие. Пожар Москвы просветил мою душу; суд Божий на ледяных полях России преисполнил мое сердце теплотою веры. Тогда я познал Бога, как открывает нам его Святое Писание; с тех только пор я понял его волю и его закон, и во мне зрела твердая решимость посвятить себя и свое царствование его имени и славе» (53).

* * *

В 1816 году, находясь в Киеве, император Александр послал сказать известному в то время по святости своей жизни схимнику Вассиану, что вечером в восемь часов его намерен посетить князь Волконский. В назначенный час ожидаемый гость тихо вошел в келью слепого старца и стал говорить с ним.

Вассиан спросил гостя: женат ли он? имеет ли детей? давно ли служит государю? — «Благодарение Господу Богу, — продолжал схимник, — что государь удостоил и Киев и Лавру своим посещением. Он вчера в Лавре всех обрадовал своим благочестием и своею кротостью».

— Да он здесь — сказал посетитель.

— В Киеве? — спросил Вассиан.

— Он у вас, — отвечал Александр, — благословите меня! Еще в Петербурге я слышался о вас и пришел поговорить с вами — благословите меня.

Вассиан хотел поклониться в ноги царю, но Александр не допустил его до этого, поцеловал его руку, говоря:

— Поклонение принадлежит одному Богу. Я человек, как и прочие и христианин; исповедуйте меня и так, как всех вообще духовных сынов своих.

После исповеди и долгой беседы, государь пожелал знать, кто в Лавре более других заслуживает внимания и когда схимник назвал наместника, иеромонаха Антония, приказал послушнику позвать наместника, будто бы к

князю Волконскому, ожидающему его у Вассиана. Когда же Антоний, узнав государя, хотел отдать ему должную честь, Александр удержал его, сказав:

— Благословите как священник и обходитесь со мной как с простым поклонником, пришедшим в сию обитель искать путей к спасению, потому что все дела мои и вся слава принадлежит не мне, а имени Божию, научившему меня познавать истинное величие.

Только в полночь государь вышел от Вассиана, запретив наместнику провожать себя, а на другой день послал ему и Вассиану по бриллиантовому кресту (54).

* * *

Во время пребывания своего в Брянске, в 1823 году, император Александр, возвратясь с осмотра города, заметил у крыльца занимаемого им дома восьмидесятипятилетнего старика в отличном от других наряде. Государь тотчас же велел позвать его к себе.

— Откуда вы? — спросил он старика.

— Вашего императорского величества верноподданный, Черниговской губернии, Мглинского повета, житель Василий Бреш-

КОВ.

— За чем вы сюда приехали?

— Нарочно приехал узреть священную особу вашего императорского величества, отдать должный мой поклон и сказать: «Ныне отпускаеши раба твоего Владыко».

— Очень хорошо. Но не имеете ли ко мне какого дела?

Брешков объяснил, что он с родственниками давно уже отыскивает потерянное предками их дворянство, что по этому делу в Петербурге живет его племянник и терпит там разные притеснения.

— Я не забуду вас, — сказал государь, — пишите к своему племяннику, чтоб он явился ко мне, когда я вернусь в Петербург. Этот кафтан у вас верно очень древен?

— Ему сто тринадцать лет — он пожалован предком вашего величества великим государем императором Петром Первым.

— По какому случаю?

— При взятии Юнгер-Гофской крепости под Ригою.

— Какое тяжелое и крепкое сукно! И сколько лет! — сказал государь, пощупав полу каф-

тана. Затем, положив обе руки на плечи старика, прибавил: — Оставайтесь покойны и если будете иметь какую нужду, пишите ко мне прямо: государю императору Александру I в собственные руки. Я вас не забуду.

Действительно, государь не забыл Брешкова и, по возвращении в Петербург, рассмотрел его дело и найдя его справедливым, решил в его пользу (55).

* * *

В 1819 году, летом, император Александр посетил северные области империи и Финляндию. Можно представить себе, с каким восторгом встречали его жители этих отдаленных областей, никогда еще не имевшие счастья видеть своего монарха.

Государь выехал из Петербурга 22-го июля и 26-го числа прибыл в Каргополь, оттуда поехал в Архангельск и, подробно осмотрев город и все его заведения, возвратился 3-го августа обратно в Каргополь. О двукратном посещении им этого города сохранился любопытный рассказ вдовы каргопольского купца Е. Д. Вишняковой, записанный с ее слов В. В. Йеменским и напечатанный им в исто-

рическом сборнике «Древняя и Новая Россия» 1875 г. №9. Приводим здесь этот рассказ:

«Как скоро известно стало о проезде чрез Каргополь на Архангельск государя, везде стали производиться поправки и улучшения дорог и зданий, особенно видных с пути следования государя — где назначены были остановки и ночлеги, везде приготавливались квартиры. В Каргополе были, на случай, приготовлены две квартиры, из которых одна в доме тогдашнего градского головы, но государю, неизвестно почему, угодно было остановиться в нашем доме.

Около 2 часов пополудни, 26 июля 1819 г., государь прибыл в Каргополь и прямо подъехал к собору, где и был встречен духовенством города. Что происходило в соборе я не знаю, нам тогда было не до того; мы бегали, хлопотали и приготавливались как встретить, да и после не удалось разузнать, а может и спрашивала, но теперь позабыла и не помню.

Из собора государь пешком прошел до нашего дома (расстояние до 100 сажень); народу так было много, что от собора и до самого крыльца образовались две живые стены,

между которыми и проходил государь с министром двора, князем П. М. Волконским. Народ со всех сторон восторженно приветствовал его оглушительным «ура». День был теплый и прекрасный.

Алексей Андреевич, купец, деверь мой, хозяин дома, встретил государя в воротах, я и Пелагея Андреевна (сестра Алексея Андреевича), моя золовка, стояли на нижней площадке крыльца. Семейство наше хотя и было тогда большое, но все жили в разных местах, а жена Алексея Андреевича была в Вытегре, на родине, откуда взята. Государь, проходя мимо нас, сделал под козырек, но шел, не останавливаясь, очень скоро; Алексей Андреевич поддерживал его под руку.

Поднявшись во второй этаж, государь вошел в назначенные ему покои; проходя по ним, запирает за собою все двери; таким образом, дошел до спальни, в которую также запер дверь. Спустя несколько времени, он вышел из спальни в зало и начал говорить с Алексеем Андреевичем, спрашивая: каково каргопольское общество, велико ли оно, много ли у общества имеется капиталов, какого

рода главная промышленность жителей? Алексей Андреевич смутился, и только отвечал на каждый вопрос государя, что и как тогда было. Про промышленность и торговлю Каргополя сказал, что купцы здешние занимаются поставкою льна в С.-Петербург для английской компании, ездят к Макарью на ярмарку и в Ирбит, где заготавливают разный пушной товар, который потом и отвозят в С.-Петербург, а белка остается в Каргополе, обдывается жителями в меха, которые и отвозят потом в Петербург, или же к Макарью. Разговаривая с государем, Алексей Андреевич был весьма бледен и голос его дрожал. Во время этого разговора вошел городской голова и поднес государю хлеб-соль от города. Государь ласково принял хлеб-соль, благодарил и начал спрашивать голову про общество и город, почти тоже самое, что и у Алексея Андреевича. По уходе головы, государь, обратившись к Алексею Андреевичу, спросил — «Верно вы хозяин этого дома?» — «Точно так, ваше императорское величество, — отвечал Алексей Андреевич — я хозяин дома», — «А если вы хозяин дома, — сказал опять государь, —

так мне надобно познакомиться с вами» — и поцеловал Алексея Андреевича. Как бы от прикосновения электричества, бледность мгновенно исчезла с лица Алексея Андреевича и по нему разлился яркий румянец.

Во все время разговора, я и золовка моя стояли позади разговаривающих, тут же в зале. Поцеловав Алексея Андреевича, государь обратился к нам, и, указывая на нас Алексею Андреевичу рукою, как бы спрашивал; кто мы. Показав на меня, Алексей Андреевич сказал — «это жена брата моего и невестка моя, а это — показывая на Пелагею Андреевну, — сестра моя». — Государь подошел к нам, поцеловал у обоих нас руки и прошел далее, мимо нас, по комнатам; что случилось тогда с нами, мы не могли понять, так велика и неожиданна была честь, оказанная нам государем. Пройдя по всем комнатам, государь возвратился обратно в свою спальню. Через несколько времени, по уходе государя из зала, вошел камердинер показал: — «Государю угодно теперь ехать в мужской монастырь, приготовьте экипаж и лошадей» — Алексей Андреевич отвечал, что — лошади и экипажи

готовы, но на чем государю угодно ехать, в коляске ли на паре лошадей, или на дрожках, запряженных в одну лошадь? — камердинер пошел спросить государя и, возвратившись, сказал: — «Государь велел подать ординарца». Вслед затем вышел и государь, совсем готовый ехать, сошел с крыльца и сел на поданные ему дрожки. Дрожки имели тогда такое устройство, что сидевший на них должен был положить одну ногу на одну сторону дрожек, а другую — по другую сторону их. У нас были тогда только что выписаны новые дрожки за 800 рублей ассигнациями.

Не забуду я при этом случай, который теперь не кажется особенным, но тогда произвел сильное впечатление на всех: с самого приезда государя, народ сплошною массою наполнял весь двор, улица, окна, крыши соседних домов. Как только государь сел в дрожки и кучер пошевелил вожжами, лошадь вдруг начала подниматься на дыбы. Народ, стоявший по ту и другую сторону, отхлынул назад, думая, что лошадь бросится в сторону; но она сама собою тихо опустилась на ноги и потом пошла, как следует быть. Народ

в один голос заговорил: «и лошадь-то будто понимает, что батюшку царя повозит».

Проезжая мимо валушек, государь обратил свое внимание на находящуюся на валах пушку и спросил: что это за пушка. Некоторые из ожидавших здесь проезда удостоились счастья неожиданно объяснить царю и сказали: пушка эта осталась должно быть после 1612 года; когда неприятели России, бывшие под Москвою, рассеялись по разным областям, то некоторые подходили и к Каргополю; но мужественно были отбиты каргопольцами, выдержавшими и продолжительную осаду.

Подъехав к монастырскому наплывному мосту чрез р. Онегу, соединяющему город с монастырем, на протяжении 150 саж., государь сошел с дрожек и, сбросив на них свою шинель, пошел по мосту пешком. Бежавший за царскими дрожками старшина одной из подгородных волостей, Пайков, взял с дрожек шинель и пошел вслед за государем. Заметив это, император спросил: «кто вы?» Пайков ответил: «старшина сельский, поставляю, вместе с каргопольскими купцами, всякий вооб-

ще провиант на депо (под словом «депо» рассказчица понимает войска, временно стоявшие в то время близ города в лагере, а зимою в окрестностях города, в составе 3000 человек). — «Всегда ли хороший провиант представляете?» — снова спросил государь. — «Всегда хороший, ваше величество», — отвечал Пайков. — «Ну, а какую награду за то получили?» — опять спросил император. — «Награды никакой не получали», — отвечал Пайков, — а была объявлена всем купцам от начальства благодарность и мне вместе с ними». — «Поди же на мою квартиру, — заключил государь, — и скажи записать, по моему приказанию, свое имя и фамилию». — Пайков исполнил и в том же году ему была прислана царская награда: суконный кафтан с золотыми часами, кистями и позументами.

Сопровождаемый бесчисленным множеством народа, при звоне колоколов всех градских и монастырских церквей, государь прошел монастырский мост и на другом берегу реки встречен был с крестным ходом, братию монастыря — настоятеля тогда не было, а за него выходил, как старший в монастыре,

живший там схимник — отошедши несколько от братии, с крестом и евангелием в руках, он, при приближении государя, стал на колени и хотел было поклониться до земли, но государь не дал ему исполнить этого и, поднимая, сказал: — «Грешишь отец, не тебе, а мне пред тобою с крестом и евангелием кланяться должно!»-Перекрестившись, государь поцеловал крест и евангелие и выразил желание, чтобы его проводили в церковь.

Проходя по наплавному мосту, государь заметил половину, прилегающую к берегу монастыря, ветхою и огрузлою, и спросил: — кто владеет мостом? — и получив в ответ, что мост этот монастырский, имел разговор о правах монастыря с предстоявшим за настоятеля, который имел счастье докладывать, что на устройство нового моста готовится уже лес, но за неимением средств, нет возможности приступить к перестройке. Государь изъявил соизволение о милостивом пособии в этой нужде монастырю. Осмотревши церковь и весь монастырь, государь возвратился в город.

В первых месяцах 1820 года монастырю

присланы были пожалованные императором 500 руб., чтобы выстроить мост.

Как только государь уехал в монастырь, — я пошла в нижний этаж, где занимал комнаты князь Волконский, и, вошедши к нему, спросила: — «Чем просить государя, когда он возвратится из монастыря?» — князь отвечал: — «Государь любит зеленый чай и вы теперь приготовьте ему чаю и оршаду». — Приехавши из монастыря, государь не пошел в покои, а подойдя к нам, вышедшим его встречать, и, сделав под козырек, сказал: — «На обратном пути из Архангельска я надеюсь быть у вас опять на квартире и надеюсь иметь удовольствие видеться с вами тогда еще, а теперь прощайте». — Но как царские его и свиты его экипажи стояли уже на улице пред нашим домом, совсем готовыми в дорогу, то государь, простившись с нами, пошел к ним пешком. В воротах стояла одна купчиха в богатом русском наряде того времени; проходя, мимо ее, государь обратил свое внимание на ее наряд, пристально осмотрев его и взяв своими руками за обе ее косицы, бережно повернул ее голову в одну, а потом в другую сторо-

ну, и спросил — «Это жемчуг у тебя?» — «Жемчуг ваше царское величество, жемчужный кокошник весь» — отвечала купчиха.

Затем, государь сел в экипаж и отбыл из Каргополя, направляясь в Архангельск. На пути следования его в Архангельск и обратно, в селах и деревнях, женщины и девицы подносили ему ягоды, за что получали не редко деньги и всегда имели счастье слышать, от самого его величества царское спасибо.

3-го августа, около 7 часов вечера, государь возвратился в Каргополь и прямо подъехал к нашему дому. Алексей Андреевич и мы стояли на площадке парадной лестницы. Проходя мимо нас, государь спросил: — Здоровы ли вы? — и, получив утвердительный ответ, также скоро, как и в первый раз прошел в свои покои.

Алексей Андреевич пошел в нижний этаж с князем Волконским и был там довольно долго, а я и Пелагея Андреевна пошли вверх. Не много времени спустя, вышел в зало и государь и, поцеловав у обеих нас руки, начал рассказывать, что он остался весьма доволен и поездкою в Архангельск и природою архан-

гельскою и самым народом. — «В Петербурге у нас. — сказал государь, — весьма теперь жарко и душно, так что многие растения увядают, а в Архангельске, что за приятная свежесть, что за здоровый воздух!» — Потом государь начал расспрашивать нас о нашем семействе и мы отвечали на его вопросы, при чем он неоднократно говорил нам: — говорите громче![4] — Говорил он с нами долго и много и затем снова ушел в свои покои.

Часа чрез полтора вышел адъютант и сказал, что государю угодно пить с хозяевами чай. Надобно заметить, что у нас был прежде серебряный самовар, но мы его отдали в приданное за Татьяной Андреевной, вышедшей за купца Урываева, а потому я хотела послать за ним, но адъютант сказал: «это излишне; государь сказал, что хочет кушать с вами чай по домашнему, как у вас обыкновенно водится».

Только лишь подан был самовар, пришел и государь кушать чай (и опять поцеловал у нас руки). Чайный стол приготовлен был у окна, к которому, кто мог, подмостился, чтобы лучше было видно государя и тут только

поверили, что государь целовал у нас руки, когда сами увидели. Мы просили его садиться, но государь показал место сперва Пелагее Андреевне для наливания чая, а мне против нее; сам же сел посредине и спросил — где хозяин? Мы отвечали — в низах, у князя Волконского. — Почти в то же время, как мы о нем говорили, пришел и Алексей Андреевич и государь показал ему место рядом с собою и, во все время, пока пили чай, выспрашивал у него с большими подробностями о климате, произведениях природы и о поездках на ярмарки.

Напившись чаю, государь поблагодарил за угощение, поцеловал у нас руки и, пожелав нам спокойной ночи, пошел в спальню. У нас была приготовлена и собрана на стол закуска, но государь, отпробовав несколько, велел подать из своего запаса кушанье английского приготовления.

Поутру, лишь только государь встал от сна, пришел к князю Волконскому купец Колосов и просил передать государю свое желание, чтобы государь пожаловал на освящение устроенного им Засимо-Савватиевского хра-

ма, имеющее быть 4-го августа. Когда Волконский передал государю желание Колосова, государь отвечал — «Передайте от меня благодарность Копосову. Я очень бы рад его просьбу исполнить, но не могу изменить маршрута. Освящение храма пройдет, быть может, до 2-х часов, а мне к этому времени далеко уже должно быть».

Была приготовлена у нас утренняя закуска, но государь сказал — «Я не могу теперь кушать ничего, благодарю!»

Вслед за сим он прислал через адъютанта своего нам подарки: Алексею Андреевичу перстень, а мне и Пелагее Андреевне по фермуару. Экипажи были уже поданы, и государь вышел в зало, готовый в путь. Мы поблагодарили его за подарки и он, как бы в ответ на это, сказал прощальное приветствие — «Прошу меня любить и помнить, а я очень рад, что с вами познакомился». — Потом поцеловал у меня и Пелагеи Андреевны руки, поклонился всем нам и отправился в путь.

Выезжая за город, государь пожелал еще раз взглянуть на Каргополь и, увидавши женский монастырь, приказал ехать туда — был

там очень недолго, потому что его там не ожидали и все были в сильном расстройстве, вследствие пожара, бывшего незадолго пред тем; так что говорят и сама настоятельница игуменья Павла явилась пред ним не в монашеской одежде: так сильно растерялись все, завидев нечаянный царский приезд».

Из Каргополя, император Александр проехал в Олонецк и Сердоболь и затем в Валаамский монастырь. Государь отправился в обитель на лодке, не взяв с собой никого кроме камердинера и прибывшего для встречи его в Сердоболь эконома монастыря иеромонаха Арсения. Поздно вечером, 10-го августа, (после трехчасового переезда через озеро, более 30 верст от Сердоболя до Валаама) августейший посетитель благополучно прибыл к пристани монастырской. Когда государь с экономом уже всходили на гору, по гранитной лестнице, в монастыре узнали о приезде императора, затрезвонили во все колокола и братия начала сходиться со всех сторон к собору. Государь стоял на церковном крыльце и внимательно смотрел на монахов, поспешавших друг пред другом. По приготовлении все-

го в соборе, клиросные запели: «Спаси Господи» и «Достойно есть». — Войдя в собор, государь стал на середине, игумен был в ризе и со крестом, а иеродиакон в стихаре; при отворенных царских воротах возгласили ектению и многолетие, после которого император изволил прикладываться к местным иконам. Сняв с себя ризы, игумен стал за амвоном с братиею; государь подошел к нему, принял благословение, сперва от него, а потом от всех иеромонахов, целуя у каждого руку, но своей никому не давая, затем кланялся всей братии и когда, пораженные смирением государя и благодаря его за милостивое посещение, все поклонились в землю, он сказал кротко, — «что бы ему никто не кланялся поклонением в землю, подобающим лишь Богу!» — Осмотри собор, государь выразился — «собор у вас прекрасный». — Потом в сопровождении всей братии пошел в церковь преподобных, — где приложился к раке над мощами, а оттуда отправился в кельи игумена; здесь пил чай, пригласив игумена сесть; старшая братия стояли кругом. В простой речи от сердца, настоятель благодарил импера-

тора за посещение обители, а государь отвечал ему, — «что давно уже хотел побывать в Валаамском монастыре, но не находил случая», расспрашивал о древности обители, о порядке службы церковной и часах, когда она совершается. Благочинный (иеромонах Дамаскин) отвечал на все вопросы подробно, и спрашивал: в какие часы повелено будет начинать каждую службу во время пребывания государя, а также не оставить ли положенных чтений для сокращения? — Государь требовал, чтобы все было исполняемо неизменно, по положению. — Чрез несколько времени император пожелал идти отдохнуть и, в сопровождении игумена и старшей братии, отправился в гостиный покой.

На другой день (11-го числа) в 2 часа пополуночи император прежде всех пришел к утрени, когда пономарь едва успел отпереть церковные двери. Внимательно следя за всем и слушая всю службу, во время седальных государь садился вместе с братиею на скамью. — Вскоре после утрени государь пришел и к ранней обедне, в церковь св. Петра и Павла, простоял всю службу и во время антидора

принял поднесенную благочинным на блюде вынутую просфору и откушал не много теплоты. После обедни, провожаемый игуменом и старшею братиею до покоев, объявил, отпуская их, что «чрез час намерен идти вокруг монастыря и осмотреть местность».

В означенное время, игумен, казначей, благочинный и эконоом ожидали выхода государя.

Первоначально он пошел на берег, с которого обзревал местоположение кругом и сказал — «вид вашего монастыря прекрасный». — Потом был в больничной церкви и обошел всю больницу, приветствуя больных братьев; оттуда перешел в теплую церковь Успения Божией Матери, где осмотрел иконостас, алтарь и приложился к св. иконе Смоленской Божией Матери. Отсюда, с игуменом, благочинным и экономом, отправился в пустыни; сперва в трех ближних разговаривал с пустынниками, брал и кушал подносимые ими простые овощи, а при прощании у каждого целовал руку и просил их молитв. Затем пожелал идти и в дальнюю пустыню, при чем ласково отпустил в монастырь игумена, не

желая утомлять его, и шел далее с благочинным и экономом. Дорогою государь милостиво говорил о разных предметах, о многом расспрашивал, а дойдя до горы, где нужно было спуститься, чтоб опять взойти на высоту, государь почувствовал одышку. — «Всходя на гору, я всегда чувствую одышку, — сказал он, — еще при покойном государе я расстроил себя, бегая по восемнадцати раз с верхнего этажа вниз по лестнице». — Подходя к пустыне, государь заметил утомление благочинного и сказал: — «Вы устали со мною?» — «Я рад пройти с вами еще пять верст!» — «Благодарю, отвечал государь усмехнувшись, — готовность мне эта приятна». — Подойдя к загородке в лесу, когда эконом Арсений напрасно старался разгородить ее, император почти ползком пролез под изгородь, говоря: — «Ведь я солдат». — Достигнув дальней пустыни; государь сам видимо утомился; он вошел в тесную келью, поздоровался с пустынником, спрашивал давно ли он живет тут, сел на скамью, посадил благочинного и эконома и внимательно разговаривал о весьма многом касающемся духовной и аскетической жизни.

— В какой тесной, бедной и пустынной келье изволите вы теперь беседовать, государь, с кем и о каких предметах? — сказал благочинный Дамаскин, — но поверьте, ваше величество, что иноки живущие в таких пустынях, по благодати Божией, утешаются в них столь пленительными духовными чувствами, истекающими из стремления их к соединению сердца с Богом, в послушании Его закону, — что предпочитают свои шалаши и вашему царскому дворцу. — Государь отвечал — «Да, я знаю это верно; ты говоришь правду; но это есть дело прямой благодати Господа!» — В продолжение разговора, государь при случае сказал: — «Я часто замечал, что священники благословляют спеша и не знаменуют креста как следует; это знак великого невнимания. Как благословляющему так и принимающему благословение надлежит опасаться не лишиться благодатной пользы благословения. Не раз когда я подходил к сельским священникам, которые, в простоте, вздохнув от сердца, благословляли меня, ограждая настоящим знамением креста, как благословляют и крестьян, — всегда я чув-

ствовал нечто особенное!» — Вставши, государь из трех поднесенных пустынною реп, из его огородца, принял одну, и когда благочинный спросил нож, чтоб очистить, он повторив: — «Я солдат и съем по солдатски», — начал очищать кожу зубами. — Государь осмотрел молитвенный тесный чуланчик пустытника, а прощаясь с ним целовал его руку и усердно просил благословения и молитв.

Еще дорогою, переходя от предмета к предмету, в разговоре всегда милостивом и одинаково настроенном по духу, император сказывал, что сам претерпел великие искушения, особенно в прошедшие военные годы и что, как в малых так и в важных делах, всегда познавал особенный промысл Божий. — «Я знал за два года до войны, — продолжал государь, — о злом для меня умысле Наполеона, и с моей стороны все возможное человеку употреблено было, чтоб водворить спокойствие; но все было тщетно. Неприятельские армии разных наций были сильнее нашей; один Бог, после многих советов вразумил нас вести войну отступательную, далее внутрь России. Неприятель разграбил нашу землю, много

причинил нам вреда и убытка; но и это Бог же попустил для того, чтобы смирить нас. Когда же ему угодно было помиловать нас, Он и помиловал удивительным образом. Не мы побеждали врагов, а Он! Да, промысл Божий всегда, во всем с нами! и ныне я точно также замечаю, что трактуя с опытными и знающими людьми полагаем план, по нашему разумению лучший, но от того или другого все расстраивается, как дело человеческое. Когда же положишься прямо на Бога, и призовешь Его на совет и в помощь, тоже дело устроится так хорошо, что прежний наш план окажется ничтожным»... При столь искренней беседе с государем благочинный сказал: — «Истинно, ваше величество, как не тяжело быть времени для вас, когда даже монахи, в монастырях, плакали горько. По прочтении манифеста и при соборных молебнах, мы ни могли ни петь, ни читать; как немые стояли в слезах, только вздыхая к Богу!.. Поверьте государь, каждую службу отправляли здесь не без искренних чувств сердечных!» — Государь сказал: — «Спасибо! спасибо!.. Я знаю, что мне Господь помог молитвами вашими и всего

православного духовенства».

При возвращении в монастырь, государь был встречен казначеем, и иеромонахами; подойдя ко всем для благословения, он пошел в келью игумена, в сопровождении старших из братии. Здесь пил чай и пробовал поставленные на стол садовые фрукты, крыжовник и малину, которыми подвигал своеручно казначея, благочинного и эконома. — Тут игумен подал краткое описание Валаамской обители и просил о внесении преподобных в церковные месяцесловы, о прибавке к больничному штату пятнадцать человек и о подворье в С.-Петербурге. Государь сказал: — «Я все сделаю: составьте записку — кто поедет в Петербург, чтоб отдал ее князю Голицыну для передачи мне». — Переходя в гостиный покой, в сопровождении казначея и эконома, император объявил, что в четыре часа намерен ехать в скит. — В назначенное время игумен и эконом ожидали у кельи государя, и, по выходе, отправились на шлюпке водою. Во время переезда император особенно любовался картинностью местоположения.

В ските государь был встречен со звоном;

казначей со скитскою братиею приняли его в ризах и с крестом. — По прочтении эктинии, августейший богомолец осмотрел синодики о здравии и за упокой при непрерывном псалтирном стихословии постоянно перечитываемые. Государь разговаривал и расспрашивал о положениях скитских, — был в трапезе, входил в подробности и, осмотрев все, возвратился в обитель. — Благодичный и братия ожидали его на берегу. — Выйдя из шлюпки, он смотрел печь и форму для отливки колокола; спрашивал во сколько будет пудов и есть ли место где повесить? — Игумен отвечал, что Бог устроит все. — Когда дошли до стен монастыря, начался благовест к малой вечерне, так как государю было угодно, чтоб преподобным праздновали бдение. — Неутомимый император пришел тотчас к малой вечерне, которую всю выслушал с акафистом. Немного спустя, отблаговестив к правилу, начали отправлять его с поклонами и с безмолвной молитвой, во время которой государь тихо вошел в собор и, увидев, что благодичный стоял с боку, у правого столба, осторожна поместился позади его. — Когда эконом и другие из

братии пытались остеречь благочинного, его величество делал им рукою знак, чтоб оставили. — Замечая, что государя впереди нет, благочинный, наконец, оглянулся и, увидя его за собою, поклонившись, отступил за столб. По окончании правила, — когда игумен, по обыкновению монастырскому, среди церкви просил у всех братий прощения, а братия, поклонясь игумену, подходили к благословению, — государь, вслед за монахами, тоже приняв благословение от игумена, с особенным вниманием и смирением глядел на все происходившее. — Благовест к бдению был начат без выхода из церкви — всю всюнощную службу государь стоял у левого столба, иногда переходил к скамье (на этой же стороне) и, во время поучения, садился на ней рядом с братиею. — Престарелый и слепой монах, Симон, руками осязая сидевшего близ него на скамье государя, спросил тихонько — «кто сидит рядом со мною?» — Государь отвечал: — «путешественник». — После, стоя у столба, его величество уронил перчатку, монах Савватий подошел чтоб поднять ее, но заметив это, государь поспешно поднял ее сам

и, оборотясь к монаху, низко поклонился ему. — По окончании всенощного бдения, когда Игумен и братия провожали его величество из церкви, государь просил, чтоб обедня была поутру в пять часов, а за нею молебен преподобным, для отъезда. — В назначенное время начался благовест к литургии, которую совершал игумен собором. — Император в самом начале благовеста пришел в церковь и стал у столба, близ иеросхимонаха, пустынножителя Никона, который и в глубокой старости подвизался истинно-добрым подвигом, в церкви же Божией, по крайней немощи тела, выстаивал всю службу, опираясь на костыль. — В присутствии государя, при привычном внимании и напряженном слушании божественного пения, старец выпустил костыль из рук и сам, поскользнувшись, упал. Государь взглянул на него с глубоким умилением, подошел, поднял старика и посадил его на скамью. — Пустынный безмолвно поклонился царю и, укрепившись на ногах, выстоял всю литургию.

Государь подходил к антидору, взял вынесенную благочинным просфору и откусал

теплоты. Тотчас же начался благовест к молебну. Игумен с крестом, два иеродиакона с кадилами и четыре иеромонаха в ризах, пошли в церковь преподобных, при пении тропаря храму. Во время чтения Евангелия государь упал на колена и подклонил главу под самое св. Евангелие; игумен возложил руку на помазанную главу царя и, держа сверху Евангелие, читал: «Научитесь от Мене яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим». — Текст этот, столь сходный с кротостью и смирением подклонившего под него венценосного богомольца, видимо произвел на прекрасную душу государя самое умилительное впечатление. — Братия не могли удерживать слез. По прочтении Евангелия, игумен трижды благословил крестным знаменем главу императора, который, с выражением самой живой веры, схватил руку игумена и поцеловал ее несколько раз! — Подобное явление благочестия, веры и кротчайшего смирения могущественнейшего и славнейшего из государей, в пустынной обители, на уединенном острове, — может ли быть забыто? По совершении молебного пения с эк-

тению, молитвою и коленопреклонением о благополучном путешествии и многолетию, приложась ко кресту и к гробнице преподобных, государь принял поднесенную игуменом икону Сергия и Германа; во время пения догматика его величество стоял у гробницы.

Из церкви государь пошел в кельи к игумену, при пении и сопровождении всей братии. Тут по окончании «Достойно есть» и отпуска, государь приложился к кресту, простился с братиею и, когда посторонние вышли, беседовал, пил чай и принял поднесенный игуменом резной крест в ящичке. — Император милостиво повторил: чтобы о всех нуждах монастырских написать записку, прислать в Петербург и отдать князю Голицыну, для вручения его величеству.

При выходе, казначей доложил, что братия просят дозволения проводить до пристани. — Государь согласился и, выйдя из покоев, у крыльца где стояли все иеромонахи и братия, у каждого из первых принял благословение, кланялся братии и, сопровождаемый казначеем, благочинным и экономом, пошел к гостинной. Чрез малое время он вышел из покоев и

снова остановясь с иеромонахами спрашивал: «всегда ли у вас бывает такая служба как ныне?» — ему отвечали, что такое же бдение бывает в воскресные и праздничные дни.

По прибытии игумена, государь поклонился ему и пошел рядом с ним из обители. — Начался звон во все колокола; клиросные, идя впереди, пели тропарь и догматик, за клиром шли вся братия. Разговаривая с игуменом, государь приказал ему, когда приедет в Петербург, приходить во дворец, доложив сперва о приезде.

На пристани император остановился посреди всей братии и посторонних посетителей; обратясь к обители, царь помолился с великим умилением, подошел к игумену, принял благословение и поцеловался с ним. Потом низко, поклонясь всей братии, сел в шлюпку, посадив с собою казначея, эконома и своего камердинера.

Когда отвалили от берега, император милостиво откланивался, много раз, кланявшейся ему братии, тихо удаляясь по монастырскому проливу, при звоне колоколов и благословениях тронутой до глубины сердца братии,

провожавшей его взорами и напутственными молитвами.

Во время переезда по озеру до Сердоболя, продолжавшемся несколько часов, государь много разговаривал с казначеем и экономом, как о монашеской жизни, правилах, так и о церковной службе, о чтении и пении. — «Можно ли пропеть чтонибудь здесь?» — спросил он — и на ответ: что ваше величество прикажете? просил петь тропарь: «Спаси Господи» — херувимскую придворную, потом тропари крещению, на освящение воды и другие церковные стихи.

Благополучно доехав до Сердоболя, государь ласково простился с своими монастырскими спутниками и продолжал путь в Финляндию по тракту на Куопио, куда приехал 13 августа. Пожелав видеть город Каяну, он отправился 15-го числа на станцию Нисселе. При нем находились только: князь Волконский, лейб-медик баронет Виллие и квартирмейстерской части (генерального штаба) прапорщик Мартинау. От Нисселе, где ожидал государя посланный вперед для заготовления квартир поручик Гриппенберг, оставалось до

Каяны 82 версты, из коих 30 сухим путем и остальные озером. Император, прибыв 16-го, в семь часов утра, к берегу озера, где в маленьком поселении Хапалаикагас не было никаких строений, кроме курной избы и конюшни, увидел в толпе собравшегося народа крестьянина Тервонена, бывшего в 1809 году депутатом на сейме в Борго и пожалованного по этому случаю медалью. Государь, тотчас узнал его, и позвав к себе знавшего финский язык Гриппенберга сказал ему: «этот крестьянин мой старый знакомый». Затем потрепав по плечу Тервонена, государь поручил Гриппенбергу передать ему, что «его величеству очень приятно возобновить с ним знакомство». Удивленный и растроганный ласковыми словами государя, крестьянин выразил столь же просто, сколько искренно, радость, которую преисполнила его милость императора, удостоившего своим посещением жителей столь далекого края. Государь приказал спросить: женат ли он, сколько имеет детей и доволен ли своим земледельческим состоянием, и, взяв его за руку, простился с ним. Затем, подойдя к избушке, государь спросил:

«где метрд'отель Миллер», и получив в ответ, что он в избушке готовит завтрак, хотел войти туда, но не мог, по причине валившего из двери сильного дыма и услыша голос Миллера, спросил его: «где-ж моя столовая?» — «В конюшне — для перемены» — отвечал Миллер. — «Все равно, лишь бы нам было что поесть», — сказал государь, и войдя в так называемую столовую, нашел ее очень забавною. Спустя четверть часа, подали завтрак. Государь занял место на конце длинного стола: возле него сел князь Волконский, потом Гриппенберг, Виллие и Мартинау. Во время завтрака, продолжавшегося около 20-ти минут, государь был очень весел, хвалил страну, называя ее «Северною Италией», и, подвинув стеклянную баночку с брусничным желе к Гриппенбергу, сказал ему; — «Отведайте; это очень вкусно, только не берите много, потому что я хочу его сколько можно дольше побереечь. Мне подарила это пасторша в Тохмаерви» — и затем стал спрашивать о Каяне, что подало случай Гриппенбергу доложить о назначении императору квартиры в этом городе, у пастора Аппельгрена. Как в это самое

время Миллер подал два ананаса, то государь, с обычною ему приятною улыбкою, заметил, что «завтракать в окрестностях Каяны, в конюшне, и есть ананасы — было бы слишком несообразно» и потому приказал князю Волконскому спрятать эти редкие фрукты, сказав: «я подарю их своей хозяйке, г же Аппельгрэн».

В половине 9-го, государь сел в шлюпку, приказав ехать с собою: князю Волконскому, Виллие, Гриппенбергу, Мартинау, казачьему хорунжему Овчарову и своему камердинеру Федорову. Когда же проплыли на веслах по речке верст пять и вошли в озеро, капитан Юнелиус доложил императору, что шлюпка была слишком нагружена для плавания по озеру при сильном ветре, и потому государь приказал прапорщику Мартинау с Овчаровым и Федоровым пересест в другую, маленькую шлюпку. При попутном ветре, шлюпки шли на полных парусах, но вскоре поднялась сильная буря; волны подымались так высоко, что ничего не было видно, кроме неба и пены. Два матроса постоянно отливали воду, которую сильное волнение наполня-

ло шлюпки. Государь и все бывшие с ним совершенно промокли. Александр, на лице которого изображались невозмутимое спокойствие и достоинство, спросил у капитана по-английски: «не опасно ли?» Юнелиус отвечал, что нет никакой опасности, однако же, вскоре затем, пришел в большое затруднение, когда сильным шквалом сломало ручку у руля. К счастью, на шлюпке нашлась запасная ручка, которую капитан успел надеть, вместо сломанной.

Наконец, после двухчасового плавания, шлюпки вошли в тихую воду пролива, ведущего к Каяне и в полдень достигли нарочно устроенной пристани у водопада Эмме. При вступлении государя на берег, открылось взорам его величественное зрелище развалин древнего замка Каянаборга над шумным водопадом. Обычно пустынные высоты по сторонам пристани были покрыты народом, жаждавшим видеть монарха славного победами и кротостью. На пристани стояли с одной стороны городские граждане с своими бургомистром, а с другой местное духовенство, и в числе их пастор пальдамского кирх-

шила. Раздались радостные восклицания народа и бургомистр приветствовал августейшего гостя краткою речью на шведском языке, которую Гриппенберг передал по французски. Государь отвечал на нее весьма благосклонно, и обратясь к окружавшим его жителям, сказал с чувством — «Я не мог изъявить вам убедительнейшего доказательства моей любви и благоволения к вам и вашим соотечественникам, как решившись пренебречь опасности, противопологаемые стихиями, чтобы провести между вами несколько минут». — Затем, пастор произнес на немецком языке приветствие, на которое император отвечал, на том же языке, в самых благосклонных выражениях, и, поклонясь милостиво собравшемуся на высотах народу, отправился в город. Как ближайший путь туда проходил чрез остров, на котором находятся развалины замка, то из разбросанных камней его была устроена довольно удобная лестница. Государь взошел по ней на высшую точку развалин и полюбовавшись живописными видами, спустился к городу, осмотрел городскую церковь, прошел пешком по улицам, посетил

магистрат, где перелистовал лежавшие на столе книги законов, и отправился в приготовленную для него квартиру, в пасторском доме. Радужные хозяева приготовили ему обед, но он отказался и позволил подать себе чаю. Во время пребывания у пастора, государь вручил хозяйке своей, г же Аппельгрэн, привезенные им ананасы и пожаловал ей бриллиантовый фермуар.

Между тем, буря не утихала, а государь спешил отъездом, и потому решено было возвратиться сухим путем, несмотря на то, что не было удобной дороги, и что надобно было ехать почти необитаемыми местами. Главная забота состояла в том, чтобы достать лошадей, и к тому же во всем городе нашлось только одно седло, да и то столь ветхое, что набивка во многих местах выказывалась сквозь разорванную кожу, а ржавые стремяна висели на двух плохих бечевках. За всем тем, принуждены были взять это седло для государя и навязать на лошадей для князя Волконского и прочих лиц царской свиты, вместо седел, подушки с веревочными стремянами. Путешествие происходило в следующем порядке:

впереди шел проводник, один из каянских граждан: за ним ехал прапорщик Мартинау, потом — князь Волконский, далее — император, за ним барон Виллие, потом Федоров и Овчаров, наконец — багаж на двух лошадях, за которыми следовали восемь крестьян. Тропинки, по коим надлежало ехать, пролегли через дикую каменистую местность, пересекаемую обширными тинистыми болотами. Для переправы через эти болота, тамошние жители кладут мостки из двойного ряда бревен, сверху немного стесанных, и, как нередко случается, что лошади, не привыкшие ходить по таким мосткам, оступаются и проваливаются в болото, то чрез эти опасные места переходят пешком, ведя лошадей за поводка. Государь, на возвратном пути из Каяны, из семидесяти верст прошел пешком около пятидесяти.

В 6 $\frac{1}{2}$ часов вечера, усталые путники, пройдя 12 верст, остановились у мызы и, отдохнув несколько минут, продолжали идти еще 5-ть верст до другой мызы Ронгала, где для императора была приготовлена небольшая комната. Государь, прибыв туда в 8 часов, прежде

всего, спросил — будут ли сыты проводники и лошади. Во время ужина, коего главное блюдо состояло из отварного картофеля, государь, увидя детей, толпившихся у дверей его комнаты, встал с своего места и собственноручно роздал им по большому ломтю хлеба с маслом. Около 10 часов, государь лег спать в той же самой комнате, а князь Волконский со всею свитою — в крестьянской избушке, на свежем сене. В три часа утра, все уже были на ногах и спустя полчаса отправились далее. Около 6-ти часов, государь подъехал к дому старого Тервонена. Сам хозяин, несколько раз бывший на сеймах в Швеции и весьма уважаемый своими соотчичами, называвшими его Майнуайским королем, оставался в Хападанкагасе, в надежде опять там увидеть государя на возвратном пути из Каяны и потому августейший гость был встречен лишь хозяйкою, которая, отворив лучшую комнату своего дома и поставя на стол черного хлеба, масла и молока, пошла с Федоровым в огород за картофелем. После скудной трапезы, император, отправясь, около восьми часов, в дальнейший путь, проехал без отдыха более двадцати

верст и прибыл в два часа пополудни, к поместью Суотарила. По дороге туда надлежало переправиться через речку, шириною от 20-ти до 25-ти сажень; к счастью на берегу нашлась маленькая рыбацья лодка, в которую сели, вместе с проводником, император и князь Волконский; государь взялся править рулем, а Волконский грести веслами. Но как при выходе из лодки оба они загрязнили и замочили ноги, то государь, увидя вблизи кучу сухих древесных ветвей, стал с помощью князя Волконского носить их к тому месту, где причаливала лодка, и устраивать пристань для своей свиты. Лошадей перегнали через реку вплавь, причем государь сам поймал свою лошадь и вытер ее пучком сена из близ стоявшей копны. Отдохнув с час, император проехал еще $17\frac{1}{2}$ верст до деревни Саресмеки и прибыл туда в семь часов вечера. До Ниссиле, где находились вагенмейстер его величества, полковник Соломка, и кучер Илья с царским экипажем, оставалось 15 верст — государь, устав ехать верхом и идти пешком, отправился далее в крестьянской двухколесной тележке. Исправник Элвинг, узнав от прибывшего

вечером из Каяны в Ниссиле поручика Гриппенберга, о возвращении государя по трудной, почти непроходимой дороге, выехал ему навстречу в курьерской кабриолетке и привез его в Ниссиле, в 10-м часу вечера. Государь, услыша от Гриппенберга, что он переночевав в Каяне, уехал оттуда поутру, на другой день по отъезде его величества, и прибыл в Ниссиле без всякой опасности, сказал весело: «Я очень тому рад, а я, напротив, сделал большой круг, правда немного затруднительный, но не без приятностей, и, конечно, никогда не забуду своего забавного путешествия в Каяну».

Уже по кончине императора Александра, жители Каяны перенесли из Хапаланкагаса к главной церкви Пальдамского прихода конюшню, служившую столовою государю, и собрали в ней: лодку, в коей переезжал он чрез бурное озеро, кровать на коей он ночевал, возвращаясь из Каяны в Ниссиле, седло, на котором ехал, и тележку, в которую пересел у деревни Саресмеки: это были трофеи властителя, покорившего благодушием сердца своих новых подданных.

Из Ниссиле государь поехал в Торнео, откуда отправился обратно в Петербург по береговой дороге. Не задолго до прибытия на станцию Пудас, он уснул в коляске. Народа у станции собралось множество, но велено было не шуметь, чтобы не разбудить императора, и потому ямщики запрягли лошадей в царский экипаж молча и не позволяя никому подходить слишком близко. В то самое время, подошла туда, опираясь на костыль, 80-тилетняя старушка, именем Лиза Келло. Муж ее, старый финский солдат, был убит в последнюю войну, и государь пожаловал бедной вдове пенсию в 25 рублей серебром, получив которую, Лиза считала себя совершенно обеспеченною и ежедневно поминала в молитвах своего августейшего благодетеля. Узнав о приезде государя, она не спала от нетерпения трое суток и с большим трудом, опираясь на костыль, пришла издалека на станцию, чтобы видеть его. — «Теперь — сказала она — когда я так близко от него, никто не может мне помешать в том». — Старушка была упряма, как настоящая финка и с нею не смели спорить, из опасения разбудить императора.

Пользуясь тем, Лиза, с величайшими усилиями взлезла на одно из колес экипажа и наде- ла очки, чтобы лучше видеть «своего доброго государя». Но очки беспрестанно тускнели от слез старушки, и наконец она выразила свои чувства, сказав окружающим ее — «Сестрицы, посмотрите, как тихо он спит; точно — как всякий человек». — Государь проснулся, и увидя, что коляска была окружена старухами, ласково подал руку Лизе, которая потрясла ее по крестьянски, сказав: — «рука нежна, как хлопчатая бумага; работа не испортила ее». — Император приказал прапорщику Мартинау перевести по-русски слова Лизы и протянул руку прочим старухам влезшим на колеса, а Лизе, чрез Мартинау, позволил просить что пожелает. Она долго не могла понять волю го- сударя; когда же, наконец, ей объяснили дело, она, зарыдав, сказала: — «как могла бы я быть неблагодарна до того, чтобы стала просить еще чего-либо, когда сюда пришла только увидеть, поблагодарить и благословить анге- ла Божия, посланного на землю затем, чтобы стольким тысячам душ даровать жизнь и сча- стие? Нет! я пришла только поблагодарить и

благословить его как умею». — Простодушные и бескорыстные бедной вдовы пленили государя. — «Не поступили бы так и самые богатые из моих придворных — сказал он, — и приказав насыпать ей целую кучу серебряных рублей, отправился далее в Петербург, напутствуемый благословениями старушки и всего собравшегося народа (56).

* * *

При наступлении осени 1825 года, здоровье императрицы Елизаветы Алексеевны, давно уже расстроенное, возбуждало справедливые опасения. Состоявшие при ней врачи, заметив, что болезнь ее постепенно принимала все более и более характер хронической чахотки, считали необходимым, чтобы она провела зиму в Италии или на острове Мальте, но она решительно отказалась от путешествия за границу. — «Я совершенно здорова, — сказала она, — да ежели бы и действительно болезнь моя усилилась, то жене русского императора следовало бы умирать в России». Государь показывал вид, будто бы не замечал нездоровья императрицы, старался превозмочь мрачное настроение духа, в кото-

ром тогда находился, и в присутствии больной казался спокойным и даже веселым. Опасаясь встревожить ее, Александр решился отправиться вместе с нею на юг России, под предлогом собственной болезни. — «Виллье! — сказал он своему лейб-медику, — мое здоровье плохо, посоветуйте мне ехать в южную Россию, в Крым, куда бы то ни было, только бы это путешествие принесло пользу императрице, которая там будет со мною».

Неизвестно по каким соображениям, главным местопребыванием и императора и императрицы был выбран Таганрог, лежащий на Азовском море, близ устья Дона, в весьма неблагоприятном климате.

Государь выехал из Петербурга 1-го сентября, с начальником главного штаба, бароном Дибичем, и лейб-медиком Виллье, а императрица Елизавета Алексеевна отправилась два дня спустя, в сопровождении генерал-адъютанта князя П. М. Волконского. За два дня до отъезда, государь, вместе с царской фамилией и высшими государственными сановниками, прибыл утром в Александро-Невскую лавру, где ожидало его все знатнейшее столичное

духовенство. По совершении литургии соборне митрополитом Серафимом, в присутствии дипломатического корпуса, государь посетил митрополита и, приняв предложенный им завтрак, отозвал в сторону святителя. — «Прошу вас, — сказал он шепотом, — отслужить для меня одного послезавтра, в 4 часа утра, панихиду, которую желаю отслушать перед отъездом в южные губернии». — «Панихиду? — спросил митрополит, удивленный столь неожиданной просьбой. — «Да, — отвечал государь со вздохом, — отправляясь куда либо, я обыкновенно приношу молитву в Казанском соборе, но настоящее путешествие мое не похоже на прежние... И к тому же, здесь почивают мои малолетние дочери... Да будет мой путь под покровом этих ангелов!» — Тогда же император выразил свою волю, чтобы на панихиде находилась вся братия лавры, но чтобы никто из посторонних не знал о намерении его присутствовать при этой божественной службе.

1-го сентября, еще до рассвета, митрополит со всею братиею Александро-Невской лавры ожидал государя у ворот монастыря. Импера-

тор, прискакав в коляске, запряженной тройкой, вышел из экипажа, приложился к кресту и принял благословение святителя. По совершении панихиды, митрополит пригласил государя в свою келью. — «Хорошо, — отвечал Александр, — но только на несколько минут; я уже опоздал полчаса». — Так как государь казался задумчивым и углубленным в самого себя и оставался в безмолвии, то Серафим, желая рассеять его думу и зная, что он питал особенное благоволение к схимникам, сказал ему, что недавно поселился в монастыре такой отшельник. — «Не пожелаете ли, ваше величество, чтобы приказал его позвать?» — спросил Серафим. — «Пусть придет, — отвечал государь, — я охотно приму его и попрошу помолиться за меня». — Несколько минут спустя, вошел почтенный старик, изможденный трудом и лишениями. Александр принял его ласково, беседовал с ним и пожелал получить от него напутственное благословение. Исполнив монаршую волю, схимник стал просить государя, чтоб он удостоил посетить его убогую келью. Государь изъявил согласие и последовал за отшельником в его обитали-

ще. Войдя туда, Александр был поражен мрачным видом окружавших его предметов: вся келья была обита черным сукном; такие же скамьи стояли вдоль стен, у одной из них стоял большой крест и теплилась денно и ночью перед образами лампада. Престарелый схимник, пав ниц у подножия креста, обратился к монарху — «Государь! Помолимся» — сказал он и, совершив молитву тихим голосом, пригласил император и митрополита сесть на скамью; сам же с трудом лишь согласился занять место в почтительном отдалении от государя. — «Как зовут его» — спросил Александр тихо митрополита. — «Алексеем, — отвечал митрополит, понизив голос, — он проводит время беспрестанно в посте и молитве. Истинно — чудо, как может он жить почти без пищи и сна». — «Действительно, здесь нет постели и даже соломы» — продолжал Александр. — «Государь, — прервал схимник, — и у меня есть постель не хуже других; я вам покажу ее прежде нежели Бог вам пошлет такую же» — и, произнося эти слова groboвым голосом, подошел к углу своей кельи, где за черным покровом, в небольшом алько-

ве стоял открытый гроб, окруженный горящими свечами. — «Вот мое ложе, — сказал монах, — и оно принадлежит не мне одному, но всем людям. Мы все успокоимся на нем последним сном вечным». Александр под влиянием слов отшельника, оставался недвижим. Тогда схимник, как бы восторженный, продолжал: — «Государь! я стар и много видел и потому внимай моему слову: до моровой язвы 1771 года, в Москве нравы были чище, народ был более предан вере Господней. Затем разврат обуял святую Русь. Двенадцатый год был временем покаяния и обращением к лучшему; но по окончании войны, зло достигло еще высшей степени. Ты, государь и властитель наш; тебе довлеет стоять на страже общественных нравов; ты — старший сын православной церкви и хранитель истинной веры — должен ратовать в ее защиту. Таков завет Бога, Царя Царей!» Слова отшельника произвели неизгладимое впечатление на императора Александра. Выходя из мрачной кельи, он просил маститого старца еще раз благословить его. — «Этот схимник — пророк» — сказал он Серафиму. Последние слова госуда-

ря при выезде из лавры были — «Любезные братья во Христе! Молитесь за меня, молитесь за императрицу».

Император совершил путешествие весьма быстро и, несмотря на частые остановки в пути, прибыл в Таганрог 14-го сентября, а 23-го числа приехала императрица. Государь выехал ей навстречу и водворил ее в доме, избранном для их жительства, где все было устроено по образцу столь любимого Александром Царского Села. В ожидании императрицы, государь постоянно занимался приспособлением покоев для удобного пребывания своей супруги, и по ее приезде, в первые дни, посвящал ей все свободное время, то беседуя с ней, то сопровождая ее на прогулках пешком, или в коляске. Так как здоровье императрицы заметно улучшалось, то государь мог уделить несколько дней на обозрение ближайшей страны, проехал по берегу Азовского моря до устья Дона, посетил Ростов, Нахичевань, Новочеркасск и через Азов возвратился в Таганрог. Затем, пользуясь прекрасною погодою, стоявшею всю первую половину октября, государь уступил настояниям новороссийско-

го генерал-губернатора, графа М. С. Воронцова, просившего его посетить Крым. Постоянно питая в душе заветную мечту свою, — отречься от престола и поселиться где либо в стране, богатой дарами природы, и вести жизнь частного человека. — Александр остановил свой выбор на Крыме и, говоря о приглашении графа Воронцова, сказал: — «Добрым соседям следует жить в согласии». Занимаясь вместе с князем Волконским выбором места для дворца в Крыму и проектом его постройки, государь изъявлял желание, чтобы все было устроено там, как можно проще, для того, как выражался он, — «чтобы переход к частной жизни не был слишком резок» — «И ты вместе со мной выйдешь в отставку и будешь у меня библиотекарем» — говорил он князю Волконскому.

По плану, заранее составленному во всей подробности, поездка императора в Крым должна была продолжаться 17 дней. Он выехал из Таганрога 20-го октября через четыре дня прибыл в Симферополь. 25 и 26 числа государь осматривал южный берег Крыма — живописная местность приводила его в

восторг — в особенности радовало его недавнее приобретение, — Орианда. 27-го октября, он выехал из Алупки, простившись с графом Воронцовым на три недели, по прошествии которых они должны были встретиться в Таганроге. Проездом через Балаклаву, вечером, государь, оставив свиту на большой дороге, отправился один, верхом, осматривать монастырь св. Георгия, не дозволив никому сопровождать себя; он решительно отказался от бурки, которую ему предлагали, несмотря на то, что погода изменилась: подул пронзительный ветер, поднялась роса и в воздухе чувствовалась холодная сырость.

Перемена эта была тем ощутительнее, что утро было жаркое и государь провел весь этот день в дороге под южным палящим солнцем; ко всему этому, по дороге в монастырь, нужно было спускаться в пропасти и, выезжая из них, взбираться в горы. Во время этой несчастной поездки, государь простудился и получил начало болезни, которая, развиваясь все более и более, свела его наконец в могилу. Приехав к ночи в Севастополь, государь остановился в этом городе ночевать. На другой

день, 28-го октября, осматривая город, он заходил в жилые и неотстроенные еще казармы и госпитали: в первых была нестерпимая духота, в недостроенных же зданиях без оконных переплетов, его, при входе, охватило сквозным ветром. Наконец, к довершению всего этого, государь, вышед из душной казармы, сел в лодку, как был в одном мундире, не соглашаясь ни за что надеть шинель и поехал осматривать военный корабль. По возвращении на берег, он завтракал вместе с адмиралом Грейгом на открытом воздухе в палатке, а после обеда осматривал другие части города. На другой день, 29-го октября, он посетил порт, арсенал и другие сооружения. В эти дни простудное состояние его сказалось сильным насморком, но он все таки не хотел лечиться. Болезнь при таких условиях свободно развивалась, тем более, что он вовсе не берег себя. Проездом через Бахчисарай он был в особенности неосторожен: остановившись в этом городе, он, чувствуя себя не совсем здоровым, поехал верхом, по обыкновению, легко одетый, осматривал городские окрестности и объехал весь город. 1-го ноября в Козлове, 2-го

В Перекопе, он уже чувствовал себя нехорошо. 3-го ноября, в Орехове, ему сделалось хуже, погода стояла ненастная, но он, не обращая на это внимания, вышел навстречу епископу Екатеринославскому, который приехал в Орехов нарочно для того, чтоб видеть его. 4-го числа, весь день он чувствовал озноб и по приезде в Мариуполь, в десятом часу вечера, потребовал к себе лейб-медика Виллье, который нашел императора в полном развитии лихорадочного сильного пароксизма. Виллье был крайне встревожен положением государя; он дал больному стакан крепкого пуншу с ромом, уложил его в постель и покрыл, сколько можно, теплее. Это усилило только беспокойство императора, который не много заснул лишь к утру. Виллье предлагал остаться в Мариуполе, но государь не согласился на это, ибо от Мариуполя до Таганрога только 90 верст и он спешил для свидания с императрицею, ожидавшею его прибытия в назначенное время, т. е. 5-го ноября — как было предположено по маршруту.

5-го ноября, после сильного пароксизма, поутру государь чувствовал утомление и сла-

бость. Часу в 10-м утра, в закрытой коляске с медвежьей) полостью, в теплой шинели, отправился он из Мариуполя и прибыл в Таганрог, в 8-м часу вечера, где с нетерпением ожидала его императрица.

6-го ноября, в 7-м часов утра, Виллье нашел государя в довольно спокойном положении и без лихорадки, только язык покрыт был беловатою слизью и чувствовался неприятный вкус во рту. Назначив умеренную диету, Виллье прописал обыкновенные, нередко государем принимаемые, пилюли из 6-ти гран сладкой ртути (Calomel) и полдрахмы корня ялаппа. Лекарство это оказало свое действие, и весь день государь провел в кабинете довольно спокойно, но ничего не кушал, ибо не чувствовал никакого аппетита.

В ночь на 7-е ноября государь имел сильный лихорадочный пароксизм и совсем не спал. Лейб-медик был очень опечален положением императора и назначил ему слабительную микстуру (Infusum sennae salinum) три раза в день по унции. День прошел без лихорадки и государь чувствовал себя довольно изрядно, а в ночь на 8 ноября даже

спал спокойно часа четыре. Поутру Виллье нашел императора в удовлетворительном положении, так что возвратился от своего больного не только спокойным, но даже веселым.

В ночь на 9-е ноября государь имел сильный лихорадочный пароксизм и вовсе не спал. Такое течение болезни стало беспокоить императрицу и она прислала своего лейб-медика Штоффрегена в консультанты к баронету Виллье.

Весь день 9-го ноября государь провел беспокойно. Употребляемые им лекарства наскучили ему, не принося ожидаемой пользы. Ночь на 11-е ноября он провел почти без сна, жалуясь на беспокойство и головную боль. Все это время он не переставал заниматься делами, и хотя не выходил из кабинета, но всегда был в сюртуке и проводил свободное время с императрицею, которую положение его начало очень тревожить.

12-го ноября, поутру, у государя был пароксизм, за коим последовала слабость, на которую он особенно жаловался. По случаю приостановления желудочного испражнения, Виллье и Штоффреген назначили промыва-

тельное, которое и было поставлено штаб-лекарем Рейнгольдом, врачом свиты императрицы, состоявшим тогда при Штоффрегене. Это средство не принесло ожидаемой пользы и было замечено, что государь колебался в доверенности в даваемым ему лекарствам.

13-го ноября, часу во 2-м пополудни, государь занимался каким-то важным делом. Вдруг нашло густое облако и произвело такой сумрак, что Александр потребовал огня. Камердинер Анисимов зажег две свечи и поставил в кабинете перед государем. Спустя полчаса, туча прошла и горизонт стал ясен по прежнему, но свечи остались пред государем незагашенными. Анисимов, вошел зачем-то в кабинет и, видя пред государем горящие свечи, остановился, ожидая от него приказания погасить свечи.

— Чего ты хочешь, Георгович? (так обыкновенно звал он Анисимова) — спросил государь.

— Нехорошо, государь, что пред вами днем горят свечи, — отвечал Анисимов.

— Что-ж за беда, разве по твоему это что-нибудь значит недоброе?

— По нашему пред живым человеком, среди белого дня, свечей не ставят — сказал Георгович.

— Это пустой предрассудок, без всякого основания, — заметил государь, — ну, пожалуй, возьми прочь свечи для твоего успокоения.

В ходе болезни и положении императора до сих пор не было ничего благоприятного. Характер лихорадки начал изменяться, и из перемежающейся она перешла в непрерывную. 14-го ноября государь встал поутру в обыкновенное свое время, в 7-м часу, и тотчас приказал подать себе бриться. Только-что начал он, за уборным своим столом, брить бороду, на подбородке от трясения руки сделал порез и вслед затем последовал с ним сильный обморок, так что он не мог удержаться на стуле — камердинер не успел его поддержать и государь упал на пол. Это произвело большую тревогу во дворце: Виллье совсем потерялся, а Штоффреген начал растирать государю голову и виски одеколоном. На эту тревогу пришла императрица и государя уложили в кровать в белом шлафроке. Государыня чрезвычайно была опечалена положением своего су-

пруга и просила лейб-медиков принять деятельнейшие, известные им, меры против усилившейся болезни императора, и с этого момента уже было видно, что болезнь императора приняла опасное направление. Он более уже не мог вставать с постели. Из уборной перевели его на большой диван в кабинет.

В 9-ть часов вечера его величество потребовал к себе лейб-хирурга Тарасова.

— Вот, любезный Тарасов, — сказал он ему, — как я разболелся, останься при мне; Якову Васильевичу Виллье одному трудно, он устает и ему по временам нужно успокоиться; посмотри мой пульс.

В 12-м часу вечера, императрица вошла к императору, весьма смущенною, усиливаясь казаться спокойною. Сев подле больного, на том же диване, она начала разговор убеждением, чтоб государь аккуратно принимал назначаемые ему докторами лекарства. Далее она сказала по-французски больному:

— Я намерена предложить тебе свое лекарство, которое всем приносит пользу.

— Хорошо, говори, — сказал государь.

Императрица продолжала: — «Я более всех

знаю, что ты великий христианин и строгий наблюдатель всех правил нашей православной церкви; советую тебе прибегнуть к врачеванию духовному, оно всем приносит пользу и дает благоприятный оборот в тяжких наших недугах».

— Кто тебе сказал, что я в таком положении, что уже необходимо для меня это лекарство?

— Твой лейб-медик, Виллье, — отвечала императрица.

Тотчас Виллье был позван.

Император повелительно спросил его: — «Ты думаешь, что болезнь моя уже так зашла далеко?»

Виллье, до крайности смущенный таким вопросом, решился положительно объявить императору, что он не может скрывать того, что он находится в опасном положении.

Государь, с совершенно спокойным духом, сказал императрице: — «Благодарю тебя, друг мой, прикажи — я готов».

Тотчас был позван соборный протоиерей Алексей Федотов; но император, по выходе императрицы, вскоре забылся и заснул, что,

однакож, не был настоящий сон, но сонливость (sopor). В таком положении государь оставался до 5-ти часов утра. Тарасов всю эту ночь просидел подле больного, и, наблюдая за его положением, заметил, что император, просыпаясь, по временам, читал молитвы и псалмы св. Давида, не открывая глаз.

В 5½ часов утра, 15-го ноября, император, открыв глаза и увидев Тарасова спросил — «Здесь ли священник?» Тарасов тотчас сказал об этом барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Виллье, проводившим всю ночь в приемном зале, подле кабинета. Князь Волконский доложил о сем императрице, которая поспешила прибыть к государю. Все вошли в кабинет и стали при входе у дверей.

Немедленно введен был протоиерей Федотов. Император, приподнявшись на левый локоть, приветствовала пастыря и просил его благословить; получив благословение, поцеловал руку священника. Потом твердым голосом сказал ему: — «Я хочу исповедаться и приобщиться св. Таин, — прошу исповедать меня, не как императора, но как простого мирянина, — извольте начинать, я готов присту-

пить к св. Таинству».

Императрица и все предстоявшие удалились. Исповедь и св. причащение продолжалось час с четвертью. После этого, все вошли к государю и поздравили его с принятием св. Таин. Императрица поцеловала государя в лоб и руку.

Государь казался ободренным и спокойно разговаривал. Потом, обратясь к врачам, сказал:

— Теперь, господа, ваше дело; употребите ваши средства, какие вы находите для меня нужными.

Лихорадочное состояние постепенно усиливалось, припадки показывали, очевидно, поражение мозга. Немедленно поставлено было за уши и к затылку 30-ть пиявок, на голову положены холодные примочки и назначены лейб-медиками внутренние средства. К вечеру положение императора казалось несколько лучше, по крайней мере припадки не ожесточались.

16-го ноября, ночь провел государь беспокойно, сна совсем не было, но была сонливость. Сильный жар, кожа сухая. Среди дня го-

сударь разговаривал с императрицею, но прерывисто и голосом слабым.

17-го ноября, ночь государь провел несколько спокойнее; жар был менее сильный, пульс до 100 ударов. Поставленная на затылок шпанская мушка хорошо подействовала. День начался прекрасным утром, солнце светило во всем блеске, лучи падали прямо на окна кабинета государя. Его величество, приказав поднять оконные шторы, любовался светом солнца, которое он вообще всегда очень любил, и сказал — «Какой прекрасный день и как благодетельны лучи солнца!» Некоторые признаки, подавали повод полагать, что положение государя подает некоторую надежду на благоприятный оборот болезни, достигшей, впрочем, высшей степени своего развития...

Такого содержания и был составлен на этот день бюллетень, ежедневно отправляемый в Петербург. Но к вечеру положение государя сделалось снова хуже, все припадки ожесточились, признаки угнетения мозга были слишком очевидны и погасили всякую надежду на благоприятный исход болезни.

18-го ноября, всю ночь провел государь в забытьи и беспамятстве; только по временам открывал глаза, когда императрица, сидя подле него, говорила с ним, и по временам, обращая взор на св. распятие, крестился и читал молитвы. Это распятие было на золотом медальоне, висевшем над диваном, на коем лежал больной. Святыня эта, как родительское благословение, всегда и везде сопровождала государя и свято была им хранима. Не смотря на забывчивость и беспамятство от усиливающегося угнетения мозга, всегда, когда приходила императрица, государь чувствовал ее присутствие, брал ее руку и держал над своим сердцем. К вечеру государь начал очевидно слабеть. Когда Тарасов давал ему пить с ложки, то заметил, что он начинал глотать медленно и несвободно. Тарасов не замедлил объявить об этом. Князь Волконский тотчас доложил императрице, которая в 10-ть часов вечера пришла в кабинет и села подле умирающего на стуле, держа постоянно своею левою его правую руку. По временам она плакала. Тарасов всю ночь безотходно, позади императрицы, стоял у ног государя. Питие боль-

ной проглатывал с большим трудом; в 4-м часу за полночь, дыхание заметно стало медленнее, но спокойно и без страданий.

Все свитские и придворные стояли в опочивальне всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно.

Наступило 19-е ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь перед дворцом вся была покрыта народом, который из церквей, после молебствия об исцелении государя, приходил толпами ко дворцу, чтоб получить весть о положении императора.

Государь постепенно слабел, часто открывал глаза и прямо устремлял их на императрицу и св. распятие. Последние взоры его столь были умилительны и выражали такое спокойствие, что все присутствовавшие, при безутешном рыдании, проникнуты были невыразимым благоговением. В выражении лица его незаметно было ничего земного, а райское наслаждение и ни единой черты страдания. Дыхание становилось все реже и тише. Наконец в десять часов и сорок семь минут утра незабвенный монарх мирно и спокойно испустил последний вздох.

Донесения об ужасном событии были посланы в тот же день начальником главного штаба, бароном Дибичем, великому князю Константину Павловичу в Варшаву, и вдовствующей императрице Марии Федоровне в Петербург.

Неутешная императрица Елизавета Алексеевна нашла в себе довольно сил, чтоб написать к Марии Федоровне следующие строки:

«Маменька! Наш ангел на небесах, а я еще влачу жизнь на земле. Кто думал, чтобы я, слабая, больная, могла пережить его? Не оставляйте меня... Я одна, совершенно одна, в этом плачевном мире... Наш милый друг сохранил обычный ему благосклонный вид: его посмертная улыбка убеждает меня в том, что он счастлив, что там лучше, нежели здесь... В такой потере, единственное мое утешение — надежда вскоре соединиться с ним».

Вся Россия оплакивала императора Александра: тому были тысячи свидетелей и сомневаться в искренности таких слез значило бы обвинять в лицемерии весь русский народ (57).

Странную случайность представляет число двенадцать в жизни императора Александра.

Он родился 12 декабря 1777 года, т. е. двенадцатого числа двенадцатого месяца.

Шведы подступили к Кронштадту в 1789 году на двенадцатом году его возраста, — *первый раз двенадцать*.

Взошел он на престол 12 марта 1801 года, на 24 году от рождения, что составляет — *второй раз двенадцать*.

Нашествие французов было в 1812 году, на 36-м году жизни императора — в числе 36 содержится — *три раза двенадцать*.

Скончался в 1825 году, на 48 году от рождения, — *четыре раза двенадцать*, быв болен *двенадцать* дней.

Царствование 24 года, — *два раза двенадцать*. (58)

Источники

- 1) Русский Архив. 1871. Стр. 1519.
- 2) Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 5. Стр. 18. — История царствования императора Александра I. Богдановича. СПб. 1869. Ч. 4. Стр. 17 — Histoire de l'empereur Alexandre I. Par Rabbé. Paris, 1826. Т. 2. Pg. 437.
- 3) Из воспоминаний о селе Грузине. Р. А. 1869. Стр. 1468.
- 4) Письма митрополита Евгения к Македонцу. Р. А. 1870. Стр. 796. — Избранные черты и анекдоты императора Александра I. М. 1826. Стр. 43.
- 5) Матерьялы для биографии А. П. Ермолова. Погодина. М. 1864. Стр. 434.
- 6) Граф Блудов и его время. Ковалевского. СПб. 1866. Стр. 79. — История царствов. и импер. Александра I. Богдановича. Ч. 3. Стр. 225.
- 7) Там же. Стр. 62.
- 8) Case of resuscitation by his Imp. Maj. the Emperor of Russia. London. 1814.
- 9) Полное Собрание Законов. Т. 34. ЛЬ 26,602.

- 10) Мелочи из запаса моей памяти.
М. Дмитриева. М. 1862. Стр. 135.
- 11) Там же. Стр. 137.
- 12) Полное Собрание Законов. Т. 34. № 26.781. — Русская Старина. 1870. Ч. 1. Стр. 44.
- 13) Граф Блудов и его время. Стр. 100.
- 14) Письма митрополита Евгения к Македонцу. Р. А. 1870. Стр. 796.
- 15) Там же. Стр. 798.
- 16) Избранные черты из жизни императора Александра I. Стр. 46.
- 17) Анекдоты из времен императора Александра Павловича. Р. А. 1875. Ч. 1. Стр. 382. — Histoire de l'empereur Alexandre I. Par Rabbé. T. 2. Pg. 360.
- 18) Мелочи из запаса моей памяти.
М. Дмитриева. Стр. 137.
- 19) Там же. Стр. 139.
- 20) Анекдоты из времен императора Александра Павловича. Р. А. 1875. Ч. I. Стр. 329.
- 21) Histoire de l'empereur Alexandre I. Par Rabbé. T. 2. Pg. 445.
- 22) Рассказы генерал-адъютанта Шипова. Р. А. 1875. 4. 3. Стр. 421.
- 23) Воспоминания Н. И. Лорера. Р. А. 1872.

Стр. 2261.

24) Memoires historiques sur l'empereur Alexandre I. Par Choiseul-Gouffier. Pg. 152.

25) Из старой записной книжки. Р. А. 1872. Стр. 225–57.

26) Журнал Военно-Учебных Заведений. 1843. Стр. 168.

27) Из старой записной книжки. Р. А. 1876. Ч. 2. Стр. 218.

28) Там же. 1875. Ч. 1. Стр. 470.

29) Мелочи из запаса моей памяти. М. Дмитриева. Стр. 64.

30) Памятники новой русской истории. СПб. 1873. Ч. 3. Стр. 423.

31) Н. М. Карамзин. Старчевского. СПб. 1849. Стр. 202 и 250. — Мелочи из запаса моей памяти. М. Дмитриева. Стр. 62.

32) История царств. императора Александра I. Богдановича. Ч. 1. Стр. 27.

33) Воспоминания лейб-хирурга Тарасова. Русская Старина. 1871. Ч. 4. Стр. 636.

34) Граф Блудов и его время. Стр. 151.

35) Из старой записной книжки. Р. А. 1873. Стр. 1030.

36) Histoire des traités de paix. Garden. T. 13.

37) Narrative of the invasion of Russia.
R. Wilson. 114.

38) История царств. импер. Александра I.
Богдановича. Ч. 3. Стр. 341 и 385.

39) Избранные черты из жизни императора
Александра I. Стр. 52.

40) Граф Блудов и его время. Стр. 89.

41) История царств. импер. Александра I.
Богдановича. Ч. 4. Стр. 507.

42) Там же. Стр. 508.

43) Там же. Стр. 515.

44) Избранные черты из жизни императ.
Александра I. Стр. 63.

45) Там же. Стр. 62.

46) Там же. Стр. 61.

47) История царств. импер. Александра I.
Богдановича Ч. 4. Стр. 525.

48) Избранные черты. Стр. 49.

49) История царств. императ. Алек-
сандра I. Ч. 5. Стр. 425.

50) Там же. Ч. 4. Стр. 547.

51) Там же. Стр. 554.

52) Там же. Стр. 555.

53) Там же. Ч. I. Стр. 18.

54) Там же. Ч. 5. Стр. 306.

55) Избранные черты. Стр. 91.

56) Пребывание императора Александра I в Каргополе. Древняя и Новая Россия. 1875. Кн. 9. — Император Александр I на Валааме, в 1819 году. Царское Село. 1858. — Переезды по Финляндии. Грота. СПб. 1847. — История царств. импер. Александра I. Богдановича. Ч. 5. Стр. 432 и сл.

57) Воспоминания лейб-хирурга Тарасова. Р. С. 1872. Ч. 6. Стр. 120 и сл. — История царствования императора Александра I. Богдановича. Ч. 6. Стр. 504.

58) Русская Старина. 1871. Ч. 3. Стр. 532.

Приложения.

I. Манифест о вступлении на престол императора Александра I.

«Судьбам Вышнего угодно было прекратить жизнь любезного родителя нашего государя императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-ое число сего месяца. Мы, восприемля наследственно императорский Всероссийский престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в бозе почивающей августейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины великой, коея память нам и всему отечеству вечно пребудет любезна, да по ее премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным нашим, которых чрез сие призываем запечатлеть верность их к нам присягою пред лицом всевидящего Бога, прося Его да подаст нам си-

лы к снесению бремени, ныне на нас лежащего».

II. Манифест о коронации императора Александра I.

«Восприяв вместе с престолом нашим прародительским все обязанности великого нашего служения, и сознав в душе своей, что с сего торжественного мгновения счастье вверенного нам народа должно быть единым предметом всех мыслей наших и желаний; мы к нему единому обратили все движение нашей воли, и в основание его, в самых первых днях царствования нашего, положили утвердить все состояния в правах их и в непреложности их преимуществ. Для сего восстановили мы на вечные времена грамоту дворянству, коея сила от стечения обстоятельств в разных отношениях ее была потрясена, утвердили городское положение и возвратили гражданам преимущества их во всей их неприкосновенности; отверзли торговле и промыслам все источники богатств и полную свободу в их действии; даровали поселянам право на необходимое употребление лесов,

коих повсеместное запрещение только им было притеснительно; отвергнув ужасы тайной экспедиции, мы исторгнули из заклепов ее все ее жертвы; уничтожив бесконечные следствия и суды над чиновниками и всякого звания людьми, вовлеченными в преступление заблуждением, случаем или порочными примерами, облегчили мы судьбу их без ослабления силы закона, и в твердом уповании, что сей опыт благости послужит к исправлению и обратит на путь истины с него совратившихся; сложив взыскания до предначтенной суммы смягчив елико можно самые наказания, мы совершенно от оных освободили духовенство. — Тако исполняя обязанности наши пред Богом, мы не мыслим, что достигнули уже тем совершенно великого нашего предустановления. Благосостояние царств земных зиждется временем и устроится продолжительным к общему добру устремлением. Всеми сими постановлениями мы желали только означить, сколь искренно жаждем мы народного счастья, сколь приятно нам удостоверить истинных сынов отечества в любви нашей к нему и во внимании к

его пользам. Всевышний благословил желания и начинания наши. Во всяком добром по-
двиге мы ощущали всемогущую Его десницу,
нам способствующую в вящее ознаменование
действующего над нами Его привидения, и в
утверждение таинственной печати, соединя-
ющей нас с народом, от него нам вверенным.
В сей день, при излиянии на нас Его благода-
ти, благополучно совершили мы священное
действие миропомазания и коронования: вос-
слав к всеильному Его промыслу хвалы бла-
годарения, мы не можем принести Ему луч-
шей жертвы, как следуя движениям нашего
сердца, в залог сохранения обязанностей пред
Ним наших, ныне торжественно утвержден-
ных, освятить и запечатлеть день сей в серд-
цах народа новыми милостями, нижеизобра-
женными (следуют 11-ть пунктов, в коих да-
рованы всем состояниям разные милости). С
чувством истинного удовольствия обращая
таким образом к счастью народа вверенное
нам от Бога право миловать и облегчать его
нужды, мы призываем верных сынов отече-
ства соединить с нами их мольбы ко Всевыш-
нему, да действием приседающей престолу Его

мудрости все дни царства нашего будут изотчены днями преуспеяния России в добродетели и просвещении, едином твердом основании непоколебимого всех царств блаженства».

III. Речь московского митрополита Платона при коронации императора Александра I.

«**И**так сподобил нас Бог узреть царя своего, венчанна и превознесенна! — Что же теперь возглаголем мы, что сотворим, о Российские сынове! Возблагодарим ли Вышнему Царю Царей за таковое о любезном государе нашем и о нас благоволение? И мы благодарим всеусерднейше. — Восшлем ли к Нему моления, да доброте сей подаст силу? И мы молим Его всею верою нашею. Принесем ли что-либо в дар Господу? И Он благих наших не требует; а и сей самый венец, и державу, и Россию, и всех нас сердца и утробы приносим Ему и вручаем Ему. — Приветствовать ли ваше императорское величество с сим обещением славы? И мы приветствуем всепод-

даннейше. — Изъявлять ли нам вашему величеству свое усердие и верность? И мы то свидетельствуем пред лицом неба и земли, пред лицом сего алтаря, и пред лицом Бога и ангелов Его. — Пожелать ли вашему императорскому величеству счастливого и долголетнего царствования? — О! забвенна буди десница наша, аще не всегда будем оную воздевать к небесам в жару молений наших. — Молиться ли, да Бог сам управляет тобою, просвещая мысль и удобряя сердце? — О! прилипни язык нам к гортани нашей, аще на что другое он будет обращен, а не на таковые токмо моления. — Пасть ли нам пред престолом величества Божия, да находя в монархе своем чадолюбивого отца, будем мы к нему привержены яко чада? И мы падаем и громко пред ним вопием: премудрый художник! мы пред тобою брание, сотвори из брения сего сосуды не в бесчестие, но сосуды в честь. — Таковым образом многоразличные обращая в сердцах чувства, усматриваем нечто особого внимания и озабочивания достойное.

Вселюбезнейший государь! сей венец на главе Твоей есть слава наша: но твой подвиг.

Сей скипетр есть наш покой: но Твое бдение. Сия держава есть наша безопасность: но твое попечение. Сия порфира есть наше ограждение: но твое ополчение. Вся сия утварь царская есть нам утешение: но тебе бремя.

Бремя поистинне и подвиг! Предстанет бо лицу твоему пространнейшая в свет империя, каковую едва ли когда видела вселенная и будет от мудрости твоей ожидать во всех своих членах и во всем теле совершенного согласия и благоустройства. — Узриши сходящие с небес весы правосудия, со гласом от Судии неба и земли: да судиши суд правый, и весы Его да не уклониши ни на ищее, ни на десное. — Узриши в лице благого Бога, сходящее к тебе милосердие, требующее, да милостив будеши ко вручаемым тебе народам. — Достигнут бо престола твоего вдовицы, и сироты, и бедные, утесняемые во зло употребленною властью, и лицепрятием, и мздоимством лишаемые прав своих, и вопить не престанут, да защитиши их, да отрешити их слезы, и да устроиши их везде проповедывать твою промыслительную державу. — Предстанет и самое человечество в первородной своей и

нагой простоте, без всякого отличия порождений и происхождений: взирай, вопиет, общий Отец! на права человечества: мы равно все чада твои. Никто не может быть пред тобою извергом, разве утеснитель человечества и поднимающий себя выше пределов его. Наконец благочестию твоему предстанет и церковь, сия мать, возродившая нас духом, облеченная в одежду, обагренную кровью Единородного Сына Божия. Сия августейшая дочь неба хотя довольно для себя находит защиты в единой главе своей, Господе нашем Иисусе Христе, яко огражденная силою креста Его, но и к тебе благочестивейший государь, яко к первородному сыну своему, прострет она свои руки, и ими объяв твою любезнейшую выю, умолять не престанет: да сохраниши залог веры цел и невредим, да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою пример благочестия, и тем да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и да укротиши злый дух суеверия и неверия.

Но с ангелами Божиими не усомнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрест престола твоего преемыкаться и ласкатель-

ство, и клевета, и пронырство, со всем своим злым порождением, и дерзнут подумать: что аки бы под видом раболепности можно им возобладать твоею прозорливостию. — Откроет безобразную главу свою мздоимство и лицепрятие, стремясь превратить весы правосудия. — Появится бесстыдно и роскошь со всеми видами нечистоты, к нарушению святости супружеств и к пожертвованию всего единой плоти и крови в праздности и суете.

При таковом злых полчищ окружении, обымут тя истина и правда, и мудрость, и благочестие, и будут, охраняя державу твою, вкупе с тобой желать и молить: да воскреснет в тебе Бог и расточатся врази твои.

Се, подвиг твой, державнейший государь! се, брань, требующая, да препояшеши меч твой по бедре твоей, о герой! и успевай, и царствуй, и наставит тя дивно десница Вышнего.

Дивно, глаголем; — ибо от всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить в мире и благоустройстве, требует сил более нежели человеческих. Почему, судя о тебе, хотя превознесенном паче всех человек, но яко о человеке, и должны бы мы свои

радости и восторги торжественные в своих пределах удержать.

Удержать, — но что же означает сие, днесь над тобою совершившееся действие? Состоит ли оно в одной наружности? Составляет ли только один простой обряд? Ах, нет! О Давиде, когда избран был он Богом в цари Израилю, и святым елеем помазан, слово Божие гласит: И ношашеся дух Господень над Давидом от того дне и потом. Сие духа Господня ношение в день сей осенило и осветило главу твою. Не тщетны желания всея России, не тщетны моления всея церкви. Призирает Господь на молитву смиренных и не уничтожит моления их.

Да и самое души твоей расположение привлекает таковое призрение Господне; ибо точно можем мы о тебе, государь! тоже сказать, что сказано о помазаннике Давиде: и Давид красен, добр очами, и благ взором, Господеви. Что само по себе не толико б было важно, ежели б оно не было точным знамением твоей красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечныя.

Итак, великодушнейший государь! сим

укрепись и ободрись. С такою помощью небесною, с таковым дарованным тебе духом владычным, подвиг твой будет удобен, бдение твоё будет сладостно, попечение твоё будет успешно, время легко и ополчение твоё будет победительно и торжественно.

Но се! и ещё подает тебе Бог своего о державе твоей промышленности печать видимую. — Вложил он в сердце вашему императорскому величеству да и любезнейшую свою супругу, её императорское величество, сотвориши участну своей чести и славы венчания и помазания. Сие сходственно с уставом Предвечного. Когда священный супружества союз совокупил вас верно, и когда уставлено Богом быти жене помощницею своему мужу, то и честь их должна быть нераздельна. Благодарзумие же и добродетели её величества оправдают благую всех нас о ней надежду; конечно оправдит она слово Господне, дабы быть верно вашему величеству в ношении общественного бремени помощницею.

Видя таковым образом отвсюду огражденна и укрепленна тебя, великий государь! и радуемся, и торжествуем, и приветствуем, и

благодарим Господа, и вопием: Благословен Господь, яко посети и сотвори избавление людем своим, и вознесе рог Христа Своего!

Но прежде всех и паче всех да возрадуется душа твоя, благочестивейшая государыня императрица Мария Феодоровна, о благословенном плоде чрева твоего! О коль сладостен, коль питателен для нас есть сей плод твой! Святая твоя кровь течет по жилам его, и все, что в ней есть животворное и добротное, сообщено и ему. Давно апостол провозгласил: аще корень свят, то и ветви. Корень ветви оживляет, а ветви корень украшают. Не есть ли сие в сердце твоем, благочестивейшая государыня! живоносным источником полные радости? Ежели какая была и есть в душе твоей скорбь: не доволен ли источник сей оную усладить? Ежели какие бурные тучи помрачили мысль твою: сие воссиявшее от тебя светило, но довольно ли разогнать весь мрак сей? — И так видя днесь, яко мать Соломонова, сына своего венчанна и превознесена, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостию тя посетившему. А мы все вкупе, со всею Россией, последуя тебе, яко

ликоначальнице Мариаме, ударяя в тимпаны и кимвалы наших сердец, пред священнейшим лицом боговенчанного монарха нашего разыграем и воспоем, и услышано будет до последних земли: с нами Бог! разумеите языцы и покоряйтесь! могущий покоряйтесь! Аще бо паки возможете, и паки побеждени будете, яко с нами Бог!»

IV. Речь императора Александра в первом заседании Государственного Совета 1-го января 1810 года.

«Господа члены Государственного совета! Я считаю нужным изъяснить вам причины, побудившие меня собрать вас в сей день.

Порядок и единообразие дел государственных требуют, чтоб было одно средоточие для общего их соображения.

В настоящем составе управления нет у нас сего установления.

Каким образом в государстве столь обширном разные части управления могут идти с

стройностью и успехом, когда каждая движется по своему направлению и направления сии нигде не приводятся к единству?

Одно личное действие власти в великом разнообразии. дел государственных, не может сохранить сего единства. Сверх сего лица умирают, одни установления живут и в течении веков сохраняют основания государств.

Все благонамеренные люди давно уже чувствовали сии истины.

Любя отечество, быв поставлен в ответ перед Богом в счастии его и благоустройстве, я более других должен был их ощущать.

Не частными исправлениями, не подробностями многочисленными и преходящими стоят и процветают государства.

Средь всех забот, среди войны и мира, в непрерывном движении дел внутренних и внешних, мысль о твердых государственных постановлениях никогда меня не оставляла.

Я всегда желал, чтобы благосостояние империи утвердилось на законе, а закон был неподвижен на установлениях.

Я считал все минуты жизни моей потерянными для блага России, в кои войною и внеш-

ними происшествиями намерения мои отвлекались от сей великой цели.

Не скрыты от меня были все последствия сего умедления.

Я чувствовал недостаток твердого в делах порядка, с тою же живостью, с кою обик я любить и всему предпочитать пользы отечества.

Наконец Всевышний благословляет мои желания. В сей день, с началом нового года, имею я удовольствие положить твердое основание из важнейших государственных постановлений.

Государственный Совет будет составлять средоточие всех дел высшего управления. Бытие его отныне станет на чреде установлений непрременных и к самому существу империи принадлежащих.

Призвав вас в состав сего сословия, я не мог вам дать высшего свидетельства моего к вам доверия.

Все что в мыслях и желаниях близких есть самого твердого и непоколебимого, все будет мною употреблено, чтоб установить порядок и оградить империю добрыми законами.

Вы приемлете священную обязанность мне во всем содействовать. Пред отечеством, пред Богом, вы будете в сем ответствовать.

Пред сими великими именами, все личные уважения должны исчезнуть; изочтите миллионы, кои от вас ожидать будут твердой собственности, тишины и благоустройства, и измерьте сим пространство ваших обязанностей и степень моего к вам доверия.

Уповаю на вас и благословение Вышнего; мой долг будет разделять труды ваши и искать одной славы для сердца моего чувствительной, чтобы некогда, в поздних временах, когда меня уже не будет, истинные сыны отечества, ощутив пользу сего учреждения, вспомнили, что оно установлено было при мне, моим искренним желанием блага России».

V. Приказ по армии 13 июня 1812 года.

«Из дальнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем нашем желании сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах нашей империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойствия. Французский император нападением на войска наши при Ковне открыл первый войну. Итак, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их

долге и храбрости; с них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог».

VI. Рескрипт фельдмаршалу графу Салтыкову 13 июня 1812 года.

«Граф Николай Иванович! французские войска вошли в пределы нашей империи. — Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством престола и пользою моего народа. Все старания мои были безуспешны, император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтвержденных в недавнем еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается мне иного, как поднять оружие и употребить все врученные мне Провидением способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие моего народа и храбрость войск моих. Будучи в недрах домов своих

угрожаемы, они защитят их с свойственной им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное наше дело. Оборона отечества, сохранение независимости и чести народной принудило нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем. Пребываю вам благосклонный.»

VII. Рескрипт первопрестольной столице Москве 6 июля 1812 года.

«**Н**еприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять любезное наше отечество, хотя пылающее мужеством ополченное Российское воинство готово встретить и низложить дерзость его и зломыслие; однакож, по отеческому сердоболию и попечению нашему о всех верных наших подданных, не можем мы оставить без предварения их о сей угрожающей им опасности: да не возникнет из неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради, имея в намерении, для надежнейшей обороны, собрать новые внутренние силы, наипервое обращаемся мы к древней столице предков наших

Москве. Она всегда была главою прочих городов Российских; она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру ее, из всех прочих окрестностей текли к ней, наподобие крови к сердцу, сыны отечества, для защиты оно́го. Никогда ни настояло в том вящей надобности, как ныне.

Спасение веры, престола, царства, того требуют. И так да распространится в сердцах знаменитого дворянства нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, каковую благословляет Бог и православная наша церковь; да поставит и ныне сие общее рвение и усердие новые силы, и да умножатся оные, начиная с Москвы, во всей обширной России! Мы не умедлим сами стать по среди народа своего в сей столице и в других государства нашего местах, для совещания и руководства всеми нашими ополчениями, как ныне преграждающими пути врагу, так и вновь устроенными, на поражение оно́го везде, где только появится. Да обратится погибель, в которую мнит он низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России.»

VIII. Манифест о всеобщем ополчении.

«**Н**еприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для ней цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска наши, кипящие мужеством попать, опрокинуть его и то, что останется не истребленного, согнать с лица земли нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные нм разnodержавные силы велики, и что отважность его требует неусыпного против него бодрствования. Сего ради, при всей твердой надежде на храброе наше воинство, полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление

первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду нашему Москве, и ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единокорным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не вникая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! ты во все времена было спасителем отечества; свята́йший синод и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ Русской! храброе потомство храбрых славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют.

Для первоначального составления предзначаемых сил, предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными, и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель».

В главной квартире близ Полоцка. 1812 года июля 6-го дня».

IX. Манифест об изгнании неприятелей из России.

«**В**сему свету известно, каким образом неприятель вступил в пределы нашей империи. Ни какие приемлемые нами меры к точному соблюдению мирных с ним постановлений, ниже прилагаемое во всякое время старание всевозможным образом избегать от кровопролитной и разорительной войны, не могли остановить его упорного и ни чем непреклонного намерения. С мирными в устах обещаниями не преставал он помышлять о брани. Наконец, приготовя сильное воинство и приумножа оное австрийскими, прусскими, саксонскими, баварскими, вир-

тембергскими, вестфальскими, итальянскими, гишпанскими, португальскими и польскими полками, угрозами и страхом приневоленными, со всеми сими многочисленными силами и множеством орудий двинулся он внутрь земли нашей. Убийства, пожары и опустошения следовали по стопам его. Разграбленные имущества, сожженные города и села, пылающая Москва, подорванный Кремль, поруганные храмы и алтари Господни, словом, все неслыханные до сего неистовства и лютой, открыли напоследок то самое в делах, что в глубине мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобильное и благополучное царство Российское рождало всегда в сердце врага страх и зависть. Обладание целым светом не могло его успокоить, доколе Россия будет процветать и благоденствовать. Исполнен сею боязнью и глубокою ненавистью к ней, вращал, изобретал, устроил он в уме своем все коварные средства, которыми бы мог нанести силам ее страшный удар, богатству ее всеконечное разорение, изобилию ее повсеместное опустошение. Даже хитрыми и ложными обольщениями мнил потрясть

верность к престолу, поруганием же святыни и храмов Божиих поколебать веру и нравы народные заразить буйством и злостью. На сих надеждах основал он пагубные свои замыслы, и с ними наподобие тлетворной и смертоносной бури понесся в грудь России. Весь свет обратил глаза на страждущее наше отечество, и с унылым духом чаял в заревах Москвы видеть последний день свободы своей и независимости. Но велик и силен Бог правды! Недолго продолжалось торжество врага. Вскоре стесненный со всех сторон храбрыми нашими войсками и ополчениями, почувствовал он, что далеко дерзкие стопы свои простер, и что ни грозными силами своими, ни хитрыми соблазнами, ни ужасами злодейств, мужественных и верных Россиян устрашить, и от гибели своей избавиться не может. После всех тщетных покушений, видя многочисленные войска свои повсюду побитые и сокрушенные, с малыми остатками оных ищет личного спасения своего в быстроте стоп своих: бежит от Москвы с таким уничижением и страхом, с каким тщеславием и гордостью приближался к ней. Бе-

жит, оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои, и предавая в жертву все то, что за скорыми пятами его последовать не успевает. Тысячи бегущих ежедневно валятся и погибают. Так праведный гнев Божий карает поругателей святыни его! Внимая с отеческим чадолюбием и радостным сердцем сим великим и знаменитым подвигам любезных наших верноподданных, в начале приносим мы теплое и усердное благодарение источнику и подателю всех отрад Всемогущему Богу. Потом торжественно от лица всего отечества изъявляем признательность и благодарность нашу всем нашим верноподданным, яко истинным сынам России. Всеобщим их рвением и усердием доведены неприятельские силы до крайнего истощения и главною частью или истреблены, или в полон взяты. Все единодушно в том содействовали. Храбрые войска наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил. Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне, показали такие опыты вер-

ности и любви к отечеству, какие одному только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно в ополчения в самом скором времени собранные, явили в себе мужество и крепость приученных к боям воинов. Твердая грудь их и смелая рука с такою же неустрашимостью расторгали полки неприятелей, с какою, за несколько пред тем недель, раздирала плугом поля. Таковыми наипаче оказали себя под Полоцком и в других местах Санктпетербургская и Новгородская дружины, отправленные в подкрепление войск, вверенных графу Витгенштейну. Сверх того из донесений главнокомандующего и других генералов с сердечным удовольствием видели мы, что во многих губерниях, а особливо в Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали из себя предводителей, и не только никакими прельщениями врагов небыли уловлены, но с мученическою твердостью претерпевали все наносимые ими удары. Часто приставали к посылаемым отрядам нашим и помогали им делать поиски и нападения. Многие селения скрывали в леса семейства свои и малолет-

них детей, а сами вооружаясь и поклявшись пред святым Евангелием не выдавать друг друга, с невероятным мужеством оборонялись и нападали на появляющегося неприятеля, так что многие тысячи оного истреблены и взяты в плен крестьянами, и даже руками женщин, будучи жизнью своею обязаны человеколюбью тех, которых они приходили жечь и грабить. Толь великий дух и непоколебимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомков. При таковых доблестях его, мы вместе с православною церковью и святейшим синодом и духовенством призывая на помощь Бога, несомненно надеемся, что есть ли неукротимый враг наш и поругатель святыни не погибнет совершенно от руки России, то по крайней мере по глубоким ранам и текущей крови своей почувствует силу ее и могущество. Между тем почитаем за долг и обязанность сим нашим всенародным объявлением изъявить пред целым светом благодарность нашу, и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу Российскому. Дан в Санктпетербурге,

в 3-й день месяца Ноября в лето от Рождества Христова 1812, царствования же нашего во второенадесять».

Х. Прошение поданное императору Александру I государственным советом, сенатом и синодом в 1814 году.

«**В**сепресветлейший, Державнейший, Великий государь император, Самодержец Всероссийский!

Воздав хвалу, честь и славу и благодарение Всевышнему Богу, удивившему над тобою милости Свои, Россия, о тебе радующаяся, славою твоею над всеми державами превознесенная, тобою благоденствующая, обращается днесь к тебе помазанник Божий, и в лице святейшего синода, государственного совета и сената твоего, совокупно пред тобою колена преклоняющих, приносит общую верноподанных твоих жертву, жертву сердец, восхищенных великими твоими подвигами, в летописях мира примера не имущими. Услыши, всемилостивейший государь, воззвание

усердных чад твоих, и милостиво прими воссылаемое из глубины душ их благодарение. Но как достойно возблагодарим тебе за ту непоколебимую твердость, с какою, положась на любовь и преданность твоих подданных и тем их возвелича, не усомнился ты отвергнуть мира с коварным врагом, вторжением в пределы Наши возгордившимся? Что воздадим тебе, оградившему безопасность отечества нашего восстановлением независимости держав, ему сопредельных? Какие хвалы могут дозвезть тебе, отомстившему за нас дерзкому врагу не токмо твоим в столицу его победоносным «шествием, но и совершенным низложением сего страшного угнетателя Европы, престолы поколебавшего и железному скипетру своему все племена и царства подвергнуть возомнившего? Превознося тебя, яко победителя, благословляем мы и милосердие твое, ознаменованное пред лицом света великодушным прощением побежденных и избавлением их от тиранского ига. Кто из владык земных уподобится тебе, великий! Кто из них подъяв оружие в оборону отечества, пронес его из края в край Европы, не ра-

ди приобретения личные славы, но для спасения чуждых народов, ярмом ненасытного властолюбия беззащитно подавляемых, и для возвращения законных им владельцев! Кто мудростью своею и кротким среди самого могущества убеждением возмог враждебные народы обратить в союзников себе, назидая тем собственное их благо! Дела твои, государь совечны пребудут имени твоему, имени Александра Великого, великодушного защитителя Европы, восстановителя законных правительств. Вселенная, величию твоему чудящаяся, упреждая глас беспристрастного потомства, присвоет уже тебе все сии титла. — Ты же, достойный избранник Вышнего, восписуя все великие деяния твои единому всеблагому Его промыслу, жертвы хваления не благоволишь и смиренномудрием твоим заграждаешь уста наши. Покорствуя тебе, государь, мы не оскорбим громкими хвалами кротости твоей; но всеобщие благословения и твоих и чуждых народов, и благодать Господня, тебе всегда соприсущая и во всех твоих предначинаниях знаменующегося, да оправдают дерзновение преданных тебе чад твоих, поднести

тебе титло единодушно всеми утвержденное, благости сердца твоего, нашим к тебе чувствованиям соответствующее, и без стяжения коего нет истинного величия — титло Благословенный. — Усердно тебя молим, не отринь сего тебе от сынов твоих приношения. — Но дабы чувствования нашей признательности, сим тебе изъявляемые, не были безмолвны пред потомством, мы возжелали увековечить их видимым знамением, хотя мало достойным тебя, государь бессмертный! и потому дерзаем умолять тебя, Благословенный, не возбрани нам воздвигнуть в престольном граде твоём для грядущих веков памятник, гласящий о великих твоих доблестях; не да приложит оный что-либо ко славе незабвенного твоего имени, но да оправдимся мы пред потомками нашими. Да не укорят нас некогда нечувствительностью к излианным тобою на нас благодеяниям, и да сынам сынов наших до позднейших времен памятник сей пребудет свидетельством нашей к тебе любви и беспредельные преданности».

XI. Указ государственному совету, сенату и синоду, 1814 года.

«Внимая посланному ко мне от святейшего синода, государственного совета и правительствующего сената прошению о воздвижении мне в престольном граде памятника и принятии проименования Благословленный, не мог я в глубине души моей не почувствовать величайшего удовольствия, видя с одной стороны действительно совершившееся над нами благословение божеское, а с другой чувствования российских государственных сословий, подносящих мне имя самое для меня лестнейшее; ибо все старания и помышления души моей стремятся к тому, чтоб теплыми молитвами призывать на себя и на вверенный мне народ божеское благословение и чтоб быть благословляемому от любезных мне верноподданных моих и вообще от всего рода человеческого. Сие самое есть верх моих желаний и моего благополучия. Но при всем тщании моем достигнуть до сего, не позволяю себе, яко человек, дерзновение мыслить, что я уже достиг до того и могу смело

звание сие принять и носить. Тем паче почитаю я оное с правилами и образом мыслей моих несогласным, что всегда и везде, преклонная верноподданных моих к чувствам скромности и смирения духа, сам первый покажу несоответствующий тому пример. Сего ради, изъявляя совершенную мою признательность, убеждаю государственные сословия оставить оное без всякого исполнения. Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моих к вам! Да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце моем благословляю оный. Да благоденствует Россия, и да будет надо мною и над нею благословение Божие!»

XII. Речь императора Александра I при открытии сейма царства Польского

15 марта 1818 года.

«Представители царства Польского! Надежды ваши и мои желания совершаются. Народ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконец, собственным бытием, обеспеченным созревшими уже и временем освященными установлениями.

Одно забвение, прошедшего могло произвести ваше возрождение. Оно непреложно постановлено было в мыслях моих с того времени, когда и мог надеяться на средства к приведению оною в исполнение. Ревнуя ко славе моего отечества, я хотел, чтобы оно приобрело еще новую. И действительно, Россия после бедственной войны, воздав, по правилам христианской нравственности, добро за зло, простерла к вам братские объятия, и из всех преимуществ, даруемых ей победою, предпочла единственно честь — восстановить храбрый

и достойный народ.

Содействуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убеждению, коему сильно воспомоществовали события. Я исполнил долг, начертанный сим одним внушением, тем драгоценнейший моему сердцу.

Образование, существовавшее в вашем краю, дозволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны. Провидением попечению моему вверенные.

Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости.

Поляки! освободясь от гибельных предубеждений, причинивших вам толикие бедствия, от вас ныне самих зависит дать прочное основание вашему возрождению.

Существование ваше неразрывно соедине-

но с жребием России. К укреплению сего спасительного и покровительствующего вас союза должны стремиться все ваши усилия. Восстановление ваше определено торжественными договорами. Оно освящено законоположительною хартиєю; ненарушимость сих внешних обязательств и сего коренного закона значают отныне Польше достойное место между народами Европы. Благо драгоценное, которого она долгое время вотще искала, среди самых жестоких испытаний.

Поприще трудов ваших открывается. Министр внутренних дел предложит вам нынешнее положение управления польского. Вы увидите проекты законов, долженствующие быть предметом ваших рассуждений. Они имеют целью постепенное усовершенствование. Учреждения финансов государства требуют еще сведений, которые время и точное измерение ваших средств могут только правительству доставить. Законоположительное управление постепенно применяется ко всем частям правительства. Судная часть образуется. Проекты гражданского и уголовного законодательства будут вам предложены.

ны. Я утешаюсь уверением, что вы, рассмотрев их со всевозможным вниманием, предупредите поставить законы, которые будут служить к ограждению драгоценнейших благ: безопасности лиц ваших, собственности и свободы ваших мнений.

Не имея возможности посреди вас всегда находиться, я оставил вам брата, искреннего моего друга, неразлучного сотрудника от самой юности. Я поручил ему ваше войско. Зная мои намерения и разделяя мои о вас попечения, он возлюбил плоды собственных трудов своих. Его стараниями сие войско, уже столь богатое славными воспоминаниями и воинскими доблестями, обогатилось еще с тех пор, как он им предводительствует, тем навыком к порядку и устройству, который только в мирное время приобретается и приуготовляет войско к истинному его предназначению.

Один из достойнейших полководцев ваших представляет лице мое среди вас. Поседевший под знаменами вашими, разделяя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, он не переставал доказывать преданность свою к отечеству. Опыт оправдал в пол-

ной мере выбор мой.

Невзирая на усилия мои, быть может, что следы бедствий, угнетавших вас, не все еще заглажены. Таков закон природы. Благотворится медленно, совершенство же недоступно слабости человеческой.

Представители царства Польского! Потщитесь достигнуть высоты вашего предназначения. Вы призваны дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры.

Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная; но что напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца, и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком, и общим содействием утверждают истинное благосостояние народов.

Вам предлежит ныне явить на опыте сию великую и спасительную истину. Да будет

взаимное согласие душою вашего собрания, а достоинство, хладнокровие и умеренность да ознаменуют ваши прения.

Руководствуясь единственно любовью к отечеству, очищайте мнения ваши от всех предубеждений их от зависимости частных или исключительных выгод, и выражая их с простотою и прямодушием, отвергайте обманчивую прелесть столь часто заражающую дар слова.

Наконец, да не покидает вас никогда чувство братской любви, нам всем предписанной божественным законодателем.

Таким образом ваше собрание приобретет одобрение и признательность отечества и то общее уважение, которое подобное сословие заставляя к себе ощущать, когда представители народа свободного не обезображивают священного звания, на них возложенного.

Первейшие чиновники государства, сенаторы, послы, депутаты! Я изъяснил вам свою мысль, я показал вам ваши обязанности.

Последствия ваших трудов в сем первом собрании покажут мне, чего отечество должно впредь ожидать от вашей преданности к

нему и привязанности вашей ко мне; покажут мне, могу ли, не изменяя своим намерениям, распространить то, что уже мною для вас совершено.

Вознесем благодарение к тому, который единый просвещает царей, связует народы братскими узами и ниспосылает на них дары любви и мира.

Призовем его: да благословит Он и да усовершенствует начинание наше».

Примечания

Как видно, императрица отправила к Густаву III и куклу с тою самою корзиной, в которой лежал первое время великий князь.

[^^^]

2

Известный кавалерийский генерал, впоследствии князь и председатель государственного совета.

[^^^]

Жена Карамзина.

[^^^]

4

Император Александр, как известно, был тут на ухо.

[^^^]